

Дикий барин (сборник)

Автор:

Джон Шемякин

Дикий барин (сборник)

Джон Александрович Шемякин

«Если бы мне дали книгу с таким автором на обложке, я бы сразу понял, что это мистификация. К чему Джон? Каким образом у этого Джона может быть фамилия Шемякин?! Нелепица какая-то. Если бы мне сказали, что в жилах автора причудливо смешалась бурная кровь камчадалов и шотландцев, уральских староверов, немцев и маньчжур, я бы утвердился во мнении, что это очевидный фейк.

Если бы я узнал, что автор, историк по образованию, учился также в духовной семинарии, зачем-то год ходил на танкере в Тихом океане, уверяя команду, что он первоклассный кок, работал приемщиком стеклотары, заместителем главы администрации города Самары, а в результате стал производителем систем очистки нефтепродуктов, торговцем виски и отцом многочисленного семейства, я бы сразу заявил, что столь зигзагообразной судьбы не бывает. А если даже и бывает, то за пределами больничных стен смотрится диковато.

Да и пусть. Короткие истории безумия обо мне самом и моем обширном семействе от этого хуже не станут. Даже напротив. Читайте их с чувством заслуженного превосходства – вас это чувство никогда не подводило, не подведет и теперь».

Джон Шемякин

Джон Шемякин – знаменитый российский блогер, на страницу которого в Фейсбуке подписано более 50 000 человек, тонкий и остроумный интеллектуал, автор восхитительных автобиографических баек, неизменно вызывающих фурор в Рунете и интенсивно расходящихся на афоризмы.

Джон Шемякин

Дикий барин

Дизайн обложки – Василий Половцев

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Татьяне Никитичне Толстой – с бесконечной признательностью за строгую заботу и суровые наставления

... и другие звери

Савелий

Сегодня был прогулочный день. Выходил к любезному моему сердцу народу, чтобы традиционно кидать в него вареное мясо, бисквиты и медные деньги.

Шествовал по нашей набережной, имея в поводу псадеда Савелия и псавнука его. Как ветхая барыня на вате, честное слово! Псавнука вынес из авто, усадил в снег и любовался горечью взгляда и без того не очень оптимистичного подростка. Псавнук уродился у нас с Савелием огорченным заранее.

Псадед по молодости был не такой. Он постоянно лупасил лапами и хвостом по полу, визгливенько лаял, бегал как умалишенный туда-сюда, наводил порядки, строил планы, хитрил, изворачивался, подворовывал. Подворовывал и просто так, и с далеко идущими замыслами.

Мой кот-душегубец на излете своей карьеры решил дать последнюю гастроль. И внезапно принялся изводить беспечно живущих в поселке грызунов. Причем действовал расчетливо и хищнически. Таскал каждый день по три грызуна и укладывал их неаппетитные тела рядом с моими прикроватными тапочками. А иногда укладывал прямо в тапочки. Это было неприятно.

Неприятно вообще иногда просыпаться. Даже усыпанному чужими деньгами. Неприятно утром видеть того, кого предупреждал еще вечером, что пьяной валиться на кровать в туфлях – это к мозолям. И пробуждаться с грызунскими телами, сложенными в твои тапочки, тоже неприятно.

У грызунов ведь тоже какая-то там жизнь была. Может, они плели венки по вечерам, надевали их себе на головы и задумчиво, с некоторым недоверием, смотрели на звездное небо, уминая лапами разбухшие тугие щеки. Строили грызуны планы, стряхивали друг на друга капельки росы. Что там еще делают хомячьи ромео и джувьетты?

И вот лежат они у меня в ногах, молодые, не виноватые ни в чем. Это сбивает мою настройку на доброту, которой я занимался весь предыдущий вечер, злобно вертя ручки настроек на своем железном сердце.

Коту злодеяния не поставишь в вину. Он таков, каков есть, как его родили семьдесят три года назад. Он появился в семье котов-душегубов, мужал в атмосфере насилия и, состарившись, в толстовство не ударился. Жил как мог, разорял, давил и требовал. Куда мне его было направлять? Как улучшать? Чем раздабривать? Не знаю.

Поэтому, вздыхая, хвалил кота за завтраком. Предъявляя его в качестве примера своим домочадцам. Смотрите, говорил, смотрите на Фунта нашего, на бодрого ветерана. Не может собирать для меня полевые цветы – выражает свое преклонение передо мной посильными хомяками. Дождусь ли чего подобного от вас, постылые? Вы хоть состругайте мне что, сплетите, не знаю, скомкайте или разогрейте. Про кофе даже не заикаюсь, но местоблюстителя как-то уважайте,

разучите что-нибудь...

И так нудел почти все томное лето.

Пока не проснулся от ощущения неприятного хомяка на лице.

Не открывая глаз, поскорее захлопнул рот, доверчиво распахнутый навстречу ночным чудесам и возможным соблазнам. Продолжая страстно храпеть с подвыванием, засунул руку под подушку, нащупал рукоять.

Тут же к ощущению хомяка под носом добавилась мокрота на лбу от чьего-то языка.

Я человек современной направленности. Меня удивить трудно, я в городе бывал. Но хомяк над красиво очерченной губой и чей-то язык на моем высоком лбу – это сочетание для меня тогда было новым. Теперь-то все иначе, конечно.

Открываю лазоревы очи свои – Савелий! Смотрит на меня с нежностью, язык вывалил, глаза выпучены от преданности, уши растопырены. Меня копирует во всем. Аферист даже в малом.

Вот, намекает, изволите ли видеть, какие собачки-с бывают удивительно полезные, зря вы ругались про прежний случай с ковриком и ботинком, то мелочи, а вот, полюбопытствуйте для интереса, спросите у меня, а где ж наш умница Савелий, что за гостинец скусный он хозяину добыл и принес на второй этаж, давайте уже вставайте, будем кусаться за ваши руки, всячески прыгать и все прочее с костями! А?! Вставайте! Будем мячик рвать! Рвать! И ту еще рвать будем, ту! Тугомясую! Противную которую, с полотенцем! Она такое про вас говорит! И машет полотенцем страшно, страшно... подлая! Рвать ее будем весь день, а? А?!

Отругал я тогда Савелия. Савелий отбежал прочь в страшном подозрении, что мир вокруг него сговорился затерзать собачку смышленную. Что когнитивный диссонанс – это не выдумки бездомных сговорчивых подруг, не фантазия, а настоящая правда жизни.

«Состояние психического дискомфорта индивида, вызванное столкновением в его сознании конфликтующих представлений, – проговорил про себя Савелий внушительно, – если по простому-то говорить. Зря я у старого пятнистого шизофреника хомяка спер, надо было, видать, самого старого идиота к этому, который... к этому, короче, тащить. Этот который с утра не соображает вообще ни хрена, надо было его брать на заботе моей о коте его вонючем, на собранности нашей, на силе сплочения. Притащить пятнистого к постели, чтобы не пикнул, за шкиряк, разбудить этого которого и так радостно залаять. Чудо! Чудо! Радость какая неожиданная! Явление! Сам этот проснулся, хоть и не обещало того вчерашнее возвращение из серого дома с красной крышей!»

Глафира

Принесенная в кульке Глафира первым делом порысачила ловить моего двадцатитрехлетнего попугая-бухаринца.

Попугай переживает сейчас очень сложные времена. Я остроумно называю его марзматиические выходки кризисом среднего возраста.

Раньше попугай символизировал мой главный тезис о том, что для настоящего мужчины разум, чувства и нормы общежития – это досадные наросты на репродуктивной системе. Пятнадцать лет назад мой пернатый аристократ открыл для себя целебные поддерживающие силы алкоголя. Роман попугая и синьки вспыхнул так жарко, что я даже интересовался у Федюнина адресом клиники для пожилых алкоголиков с манией преследования.

Федюнин, кстати, первый наливший попугаю водки в ананасовый сок, наш коренастый совратитель, сдержанно ответил, что надо уважать слабости других и не выпячивать недостатки окружающих.

Пробухать мою хату мы попугаю не дали, попугай взял себя в лапы, увидев мою назидательную пантомиму о своей возможной будущности. Случайно эту пантомиму увидел тогда еще моложавый кот Фунт и уверовал.

Завязавший попугай – это натура, слепленная из нервов, боли и подозрений. Поэтому времена у него последние тринадцать лет не очень простые. Мы, окружающие, его не радуем, не радует вид за окном, а то, что радует, – оно заперто.

Зато выщипанные по запойному ужасу перья не летают по помещениям. А то было дело: общипал себя до лысин, колдырь. Страшно было смотреть, а он еще в идиотическом трансе выбегал к гостям...

И вот теперь к псадеду Савелию, аксакалу кошачьей национальности Фунту, попугаю и, видимо, собакомыши Мыши вошла британка Глафира.

Которая официально вообще-то Персефона, но это я счел чрезмерным.

Попугай, Глафира и Савелий

Когда попугай приходит в возбуждение свое старческое, разбрасывая куски фруктов и орехов, Глафира Никаноровна просто обмирает в счастье своем. Какой! Господи, какой же он! Какой весь... прямо... такой!

Начинает как-то суетливо выбегать, позировать на секунду-другую, потом опрометью за угол бежит, менять образ.

Выходит в новом, снова не то! Не то надела! Все не то! Снова за угол!

А там этот мужик Савелий по-простецки что-то поджирает из миски. Хвостом лупасит и даже как-то подвывает над жратвой.

Прочь, постылый, я в волнении, я и сама не соображу, что со мной! Ах, матушки нет, не спросишь, что, что делать, как пленительно изогнуться, чтобы тот... Чтобы тот, на шкафу... Он такой! Он умный и очень... прекрасный!

А кто я ему?! Никаноровна какая-то...

Пометавшись, Глафира выходит в простеньком, сама нежность и свежесть, несмело переступает, смотрит на старого идиота на шкафу с таким, понимаешь, недоумением. Мол, впервые я тут, билет утерян, не знаю, что и делать... Вот тут посижу. Лапки вот у меня. Такие вот. Лапки. Что скажете? Я вам не мешаю? Нет? Я тогда еще тут посижу, просто не соображу даже, что мне и делать-то. Отдышусь. Как только вас впервые увидела, понимаете, во мне что-то...

Тут, нажравшись, врывается Савелий Парменыч. Он в кураже. И свое отожрал, и кошачье тож. Гул-ляем, бра-та-ва! Че тута прищурились все?! Че притихли, спрашиваю?! Ты, носатый, че лупишься?! Че пыришь, говорю, пернатый?! Спустишь, потолкуем... Сидит он! Закисли, смотрю! Кадрилю я вам тут сейчас сбацаю, по-городскому, значит, с вывертом! Счас я вам тут спляшу-станцюю! Да! Да! Иди сюда, крыса! Тебе говорю, полосатая... Я тебя буду зубами, а ты, вроде как мамзель, ты вырывайся несильно! Я праздника жажду! Паскудина какая! Меня!.. прекращай! Меня прекращай! Когтями в морду! Это нос!.. Па-апаша! Бать, я к тебе прибежал, извини! Что творят! Глянь, глянь, глянь! Ты посмотри, да, да, кого ты тут развел! Это ж гады! Ты добрый, да, да, да! И развел! Они тебя обжирают! Давно хотел сказать! И тот, носатый, и эта, с когтями вонючими! Жрут все время... И у меня жрут! Жрут! Я подголадываю, кстати, все время! Просто молчал! Кидай в того швабру! Я его с земли возьму. А эту за шкиряк держи, она хитрая, хитрая! Видишь, че тут у них? Заладилось, заладилось у них тут все! Дай мячик! Ну дай, ладно тебе, мячик дай, ну дай, дай, дай мячик! обожаю тебя! обожаю, бать, веришь – нет?! дай мячик! Кидай его! Мне! Мне кидай!..

Выхожу на лай и завывания. Бросаю мячик. Все как полагается. Савелий Парменыч дает гастроль с мячиком, Глафира Никаноровна на столе вздыбленная, но глаз с попугая не сводит все равно.

А попугай, уверен, думает: «Готт, херр крайсляйтер! Ист дис филяхт дер орт ман дас концентрационслагер бильден ран? О! О! Дас веттер ист зо щен хайсс, абер щен! Я-я!»

И крылья в стороны: друм-друм-друм – фокеншау марширт!

Пока горит свеча

Очень хочется посмотреть на изобретателя, производителя и продавца свечи с запахом тлеющих дубовых (как выяснилось) поленьев и тлеющего (как выяснилось) мха.

Прямо в глаза им посмотреть.

Проснулся в ночи от запаха начавшегося пожара. Такого еще не очень бурного, а тихого, быстро бегущего меж перекрытий ласковыми язычками, скользящего к залежам бумаг в кабинете и библиотеке, вкусно облизывающего проводку.

Глафира Никаноровна ничего не чувствовала, она была утомлена успехом. Спала рядом, несколько разметавшись лапами. Одну лапу закинула на меня, и хвост, совершенно невкусный, кстати.

Тут в спальню вбежал дедопес Савелий. Как всегда ликующий и предвкушающий что-то хорошее. Не хочу видеть его на своих похоронах.

«Что, бать, горим, да?! да, бать, да, да, да?! конец нам всем?! Атлична!!!»

И попугай подал признаки неожиданной жизни, тоже прибежал врасстопырку, крыла свои обгрызенные поднял. Параноик мой еще бодр, так скажу.

Втроем разбудили Глафиру Никаноровну, она все не верила, что праздник продолжается и снова будет фотосессия.

Вот что делать в такой ситуации? В ногах прыгает Савелий, попугай забрался на шкаф и оттуда подает команды. Глафира обмякла на руках. А по спальне аромат «мадридский костерок».

Свечечники, я вас всех запомнил! Прочие виновные уже понесли наказание.

Совсем все с ума посходили! Хочешь запахов – жги полено да обмахивайся им. Нет, надо придумать такое, что запаливаешь свечу и грезишь, улыбаясь, что тебе Иван Грозный в пытошной у уютно поскрипывающей дыбы.

Чего можно добиться таким ароматом, на что рассчитывать? Непонятно.

Нас губит общество всестороннего потребления всякого непотребства. Началось, понятно, с клубничных гондонов. А потом пошло-поехало.

Жду свечей с запахом работающего дизелька, оружейной смазки, умщенного волчьим жиром капкана. Зажег все разом по углам – красота, скидай кирзачи у шконки, портянкой чеши меж пальцами ног, все, дотопал, дома.

Как все начиналось

Как все начиналось еще до пса Савелия, то есть в 2010 году?

Не слишком заметно для себя, но превратился я в содержателя веселого зверинца. Что меня тревожит.

Это Дарреллу было хорошо и весело в своем зоопарке. Писатель Даррелл, судя по всему, крепко зашибал. Можно сказать, бухал с двух рук. А алкоголики гораздо чаще, чем непьющие люди, обожают всяческое зверье.

Конечно, если бы я пил, как Даррелл, я бы тоже ликовал по случаю прибавления в вольерах. Выбегал бы к новорожденным носорогам, прижимая к груди беременную крысу. Путано объяснялся бы с павианами, усевшись на закате рядом с их вожаком и приобняв его братски за плечи. Любовался бы видами верхом на жирафе. Тряся натуральностью своей, прыгал бы с белками-летягами по деревьям. Дрался бы у кормушки за кусок соли с архарами. Размахивая бутылкой, носился бы наперегонки с гепардами. Иными словами, был бы настоящим натуралистом.

Но натуралист из меня не выходит.

Вот есть у меня кот. Официальной его хозяйкой считается домоправительница Татьяна, но живет этот кот исключительно со мной. Уже лет восемь.

Кот чрезвычайно стар. Если бы для таких пожилых котов делали корма, то назвать их следовало бы «Вискас. Со святыми упокой! Корм для соборования и отпевания».

Раньше этот кот был очень боевитый. Известный в нашей загородной аркадии душегуб и сластолюбец. Воплощал в себе, иначе говоря, все женские чаяния. Был собран, деловит. Регулярно душил крыс.

Но годы свое взяли, будем откровенны. Раньше камни струей дробил, а теперь и снег не тает.

Каждое новое утро кот встречает с искренним удивлением. Эка, думает, вон оно как; ну, тогда еще поживем. Плохо видит, плохо слышит, передвигается подагрической походкой. Линяет. Воняет. Иногда переживает приступы паники по надуманным предлогам. Вот сидит-сидит, а потом, вспукнув от охватившего ужаса, начинает суетливо прятаться под диван. Маразматик, что скажешь.

Я его люблю. Вижу в нем свою будущность.

Еще есть две собаки. Они овчарки, живут во дворе, разнузданны. Раз есть собаки, стало быть, есть у меня и щенки. Рожают мне щенков мои верные сторожихи регулярно, посменно, в строгой очередности. Так что щенков у меня довольно. Вот и сейчас есть. Передвигаются какой-то невнятной стаей, твякают, кусают друг друга за уши, лезут везде, гадят исключительно коллективно, вдумчиво, формируя причудливые композиции.

Вдалеке есть у меня корова. Корова очень полезная. Я видел ее несколько раз. Она прекрасна. Свидания наши с коровой очень напоминают встречу Штирлица с женой. Я, может, на Штирлица не очень похож, хотя стараюсь. А вот корова и штирлицева жена – просто не отличить. Постоим, помолчим, вздохнем немного виновато.

«Как дела?» – молча спрашивает у меня корова.

«Да нормально все, – отвечаю. – В Лондон вот лечу, – говорю немного расстроено, – сама-то как?»

«А, хорошо! – по-девичьи неумело врет корова. – Все налаживается, мастит вот вылечили, ты уж извини, что так вышло в прошлый раз...»

Моей корове я с другими коровами не изменяю. Пью только ее молоко, тем более что мастит ей вылечили.

Есть у меня попугай. Мне его подарило мое прежнее градоначальное начальство. Попугай, такое ощущение, это понимает: кто он, а кто я. Попугай молчалив, воспринимает свое бытие у меня в городской квартире как существенное понижение статуса. Похож на выжившего сталинского наркома в хрущевской опале.

Не доверяем мы друг другу, короче. Внутрипартийная борьба, сшибка мнений в толковании «Антидюринга».

Одно время попугай мой надумал рвать из себя перья и ходить голым. Типичный бухаринец. С этой напастью мы справились. Попугая можно стало показывать гостям. А то до обмороков доходило, когда попугай выскакивал из соседней комнаты голый по пояс.

Потом появился волкодав Савелий. Мне принесли его какого-то маленького и опухшего.

Маразматик, параноик и подозреваемый в детском алкоголизме стали пробовать жить у меня, известного эталона нормальности и уравновешенности.

Теперь у меня есть еще котенок. Котенка подобрали у ворот. Котенок женский. Все очень удивлялись такой женской котейной живучести. На улице минус двадцать пять. Хотя, когда котенка внесли, я бы и трех рублей на его благополучное выживание не поставил. Но обошлось. Котенок мордастый. На него все хотят посмотреть, даже щенки полезли было любопытствовать – и оребли.

Теперь, стало быть, у меня и кошки будут.

Господи, Господи, обереги меня еще от опоссумов.

Дрессировка

Моя собака приносит мне каждое утро подарок. Моего кота.

С высоты комода на это смотрит мой попугай.

Когда собака и кот были маленькие, попугай методично терзал их юные души пикированием. Теперь собака и кот выросли, и попугай перешел на осторожный образ жизни: по помещениям передвигается зигзагами, безумными перебежками, ночует в клетке, бдительно орет среди ночи, демонстрируя готовность к сопротивлению. На ноге у попугая цепочка, которую я защелкиваю на клетке при приходе гостей. Гости мой попугай не жалуется. Но и цепочку свою любит и снимать позволяет с трудом. Так и бегают, бряцая кандалами.

Собака приносит мне кота в пасти. Лапы у пса короткие, изящно приносить ежеутреннюю добычу не получается, тем более что кот особо не помогает своей транспортировке в мою спальню. Так, лапами задними иногда подсобит, а чтобы подтащить на себе, чтобы, напрягшись, тянуть за собой хищного пса – нет.

Показав мне подарок, собака ждет похвалы. Вот, мол, извольте видеть, пока вы спали-с, я добычу вам приволок редкостную, видите, диковина какая, котик-с, не каждый на такое способен, замечу. Пес у меня с самомнением.

Добыча тоже тарашится на меня и тоже ждет поощрения за труды. Старый актер, перешедший недавно из ампула первого героя в ампула благородного старца с рваными ушами. Два раза натурально изображал гибель свою: любит ходить по врачам, псевдопаралитик.

На перформанс прибегает безумным галопом попугай. Этому вообще не очень понятно, что надобно, но быть ему у меня в спальне надо стопроцентно. Летать он не очень любит, но тут совершает над собой усилие, садится у моего изголовья и лезет в ухо. А клюв у него – он гвозди перекусывает, не особенно понежишься.

Просыпаешься, как Робинзон Крузо, моряк из Йорка. Пес с манией величия, каторжанин-попугай и кот – заслуженный деятель искусств. Все требуют жрать.

Жрут, конечно, разное. Но пес подзакусывает еще и кошачьим кормом, попугай утаскивает свои яблоки и бананы на шкаф и там поправляет нервную систему, а

кот вымогает у меня тунца, которого ему нельзя.

Выдрессировали они меня прекрасно. Мне бы еще черепаху, двух хорьков и козу. Чтобы уж совсем бесповоротно.

Сделай себе собеседника

Утром проснулся от привычных ласк пса Савелия, рыщущего по этажам в поисках острых наслаждений (а с его лапами это очень непросто – бегать по этажам, поверьте). Проснулся, обтер о пышную перину облюбованное лицо и задумался.

Чем хорош мой верный Савелий? Всем.

Во-первых, надень на него красные сапожки и жилетку в блестящую звездочку, дай ему часы с цепочкой, пенсне из проволоки скрути, рыжелую касторовую шляпу ему дай – и получишь прекрасного, тонкого собеседника. Интеллекта. Не трогай его еду, не показывай ему страшную красную утю и включи в ванной свет – все! Это весь райдер Савелия-собеседника! Сиди, беседуй, целуй. Надоест беседовать – открой дверь и кидай мячик. Удобно.

С людьми мячик помогает не всегда.

Тут на днях ко мне заезжал мой бывший студент. Приглашал меня вступить в какое-то интеллектуальное сообщество. Я был готов от тоски и ужаса вазу в окно запустить, не то что мячик...

А было б здорово! Вазу – хренак! Звон! Ваза вылетает и вдребезги об телегу! Каждый черепок ценой в пять жидовских червонцев! Окно венецийское обрушивается вослед! Я к пролому оконному – халат в соусе и совсем разобран, жабо в полнейшем беспорядке, в руке канделябр, бакенбарды – в стороны, дыбом и дымятся! От усов искры – совершеннейшие метеоры по комнатам! Глаза со скрипом вращаются произвольно в различные стороны!

– Сидор! Егорий! Выпускайте Михайлу Васильевича! Будем счас скубента на чепь засаживать в яме! В рекруты его! На персиянскую войну! К графу Паскевичу под абажур! Туда прям его! Засунем, подержим!..

И вон уже Сидор да Егорий с присными из подвала выматывают воротом медведя. Уже в далеком уездном присутствии встрепенулся бодрый капитан-исправник, повинуюсь чутью на скорую христианскую муку...

А студентик только сидеть может окаменело с ртом разинутым. Тут тебе, милый, не Москва, тут или жри, или умри!

И не спорь с гостеприимным хозяином про французскую любовь с политикой. Ничего, отслужишь свои двадцать пять годков и пять лет в запасе в крепости отсидишь, вернешься бравым унтером об одной ноге, с рассказами, с семнадцатью ранениями и пулею в усохшей от жары голове. Устрою тебя, не брошу в бурьяне помирать. Станешь, к примеру говоря... да хоть бы и сторожем при бахче станешь, политолог. Трубочку кури в шалашике да кавуны карауль, лысину обтирая фуражечкой. Хорошо, верно?! Не рыдай! Возьми пяточок, не побрезгуй принять в буфете, на станции... Все у тебя еще получится!

Как понимаете, с Савелием все гораздо проще. Мячик – Савелий – мячик – Савелий – мячик... И так часами можно.

Во-вторых, пес мой любит, когда я пою и играю на музыкальных инструментах. В эти минуты он прибегает с чем-то нужным в зубах и слушает. Отбегает на секунду, что-то еще притащит и снова слушает, упершись башкой в ножку стула. В эти мгновения он на моего бывшего тестя похож. Так и сидим вечерами. Крыса из поролонa, два мячика-сиротки, кость из крепкого желатина, эстет Савелий, я.

И Гайдн, в общем, с нами.

В-третьих, Савелий не выносит посторонних в доме. Мечется меж мной и зашедшими, лает визгливенько: «Мы их, бать, давай сейчас прям рвать начнем на клочки! Ладно, хорошо, да, да, да?! Я прям счас вон ту буду кусить, противную, с зубами страшными белыми! Ты видел, бать, видел, какие у нее зубищи здоровенные?! Как у лосихи! Давай ей утю нашу покажи! Ну, ту, да! Страшенную утю, ту, которая тогда, страшенную! Не боится, смотри-ка! Скалится еще, конченная! А я ее кусить все равно буду, люблю тебя потому как,

нету сил как я тебя обожаю, люблю, люблю, охраняю! А ты вон того куси, здорового, в носках, да, да, да! Бать, ты первый давай, да?! Гаси того, я – эту буду рвать тут прям, да, да, да! Зубами рвать!»

То есть Савелий в эти минуты думает примерно то же, что думаю я. А такие минуты душевного единения превращают нас в семью.

В-четвертых, у Савелия огромные уши. И он похож на пьющую лису.

Колбаса

Иногда я приношу домой колбасу. Сам не ем, но приношу. Я и другим не очень позволяю налегать на колбасу, но приношу все равно. Вероятно, это колбасный гипноз.

Пес Савелий Парменыч, которому колбасу точно не дают, радуется колбасе больше всех. Удивительное зрелище. Савелий Парменыч начинает вприсядку ходить вокруг меня. Потом он в обалдении лупасит хвостом по полу. Потом вскидывается! Боже! Вот оно! Это ведь! Как бы... может, это в последний раз! Как в прошлый последний раз!.. Тут Савелий растопыривает гигантские уши свои и сглатывает.

А потом бежит хвастаться всем местным собакам, что вот, колбасу принесли... такое, понимаете, дело, что принесли колбасу, которая... боже! боже! ...которая вся... такая... и, главное, много притащил этот, который тот, ну, хозяин, что ли, как его назвать-то... ужасно много колбасы притащил, мне, да, только мне... а это очевидно! на всех не хватит... да! сам не ест! все мне! нет! много, но мне... не вижу, нет! не вижу противоречия... а вот вообразите! да! нету! нету противоречия! позвольте я вас сейчас укушу, что ли? а за жопу, например? А? А?! Развели тут... поговорить на темы не с кем, как в пустыне умственной живу! идиоты... про тебя, да, а ты куда еще, ты-то, обсосок поросячий, куда встречаешь?! лезет он... ипанарот ты вонючий!..

Это он так через изгородь со всеми своими лучшими друзьями. В периоды бесколбасья Савелий с ними, конечно, дружит. А вот когда колбасный кризис

начинается, Савелий Парменыч масочку свою приподнимает на два пальца.

Видел сегодня, как Савелий, после выступления у изгороди, кинулся к Глафире Никаноровне, молодой матери. Через две ступеньки пытался прыгать. Глафира не любит, чтобы роса, и поэтому второй этаж, кресло и теплая истома. Так-то отношения у них славные. Но Никаноровне все, что нельзя съесть, подоткнуть или разорвать, довольно безразлично. Колбасные истерики Савелия Парменыча Глафира воспринимает, зевая и вылизывая то, что ей, конечно, надо как-то сильнее беречь в будущем. Последнего котенка высрал чуть не по почте – до того дело туго шло с пристраиванием.

Отбежал от Глафиры Савелий. Действительно, как в пустыне.

А к собаке-девушке Сосильде Парменыч подходить лишний раз не любит. Он переживает, что девушка Сосильда как-то раз сбила его с ног и нежно пробовала на вкус его старческие уши.

...И другие звери

Попугай-шестидесятник затворил за собой бережно клетку, чего за ним отродясь не водилось.

Раньше жил нараспашку, купцом второй гильдии. Шта-а-а, сгною в казематах, меня, Багрова, учить?! В бараний... пешком... Встать!

А теперь все скромненько, что бухгалтер на пенсии. Были бы вилы, вилами бы подпер клетку, до того бережлив стал по отношению к себе, троцкист.

Собакомышь с Глафирой дружит. Напомню про табличку в Петроградском зоопарке, в клетке которого наслаждались прекрасным питерским климатом лев и собачка: дружили, ладили всячески, играли в настольные игры, мечтали, чем там еще питерские звери занимаются? Люди валом валили на такое чудо посмотреть.

И людей встречала табличка у клетки: «Администрация зоопарка сообщает, что в дружбе между львом и собакой нет никакой мистики или поповщины. Дружба между этими существами объясняется исключительно своевременной раздачей и разнообразием корма!»

И фото академика Павлова в траурной рамке над раздаточным окошком.

Савелий оказался очень решительным псом. Мужественным и непреклонным. Приучил меня к ночным побудкам, например. А то, что это, в самом деле? Ночь. Столько интересного, кругом враги. Надо же поднимать тревогу! Лаять на дверь бдительно. Потом, стуча лапами, отбегать и лакать воду. Потом снова к двери! Враги же коварны, это только доверчивый хозяин не понимает, насколько близка угроза. После облаивания двери надо поест, гремя миской. Бойцу необходимо питание. После принятия пищи следует проследовать к постели беспечного хозяина, поинтересоваться, тыча носом, жив ли? Если жив, если еще дышит, надо попрыгать намного по правообладателю: а ну как проснется, будет весело! Сноровисто сбегать за тугомясой мышью, усладительницей щеночьих ночей. Пригласить ее, трепля за загривок, в постель. А что, мышь безропотна... Мышь следует затолкать под одеяло, лечь на нее, затихнуть, внезапно вспомнить о мячике. Опс, мячик-то мой, мячик! Ринуться, забыв про мыш, к мячику. Увлечься им, используя круглолапые заигрывания и юношеские несмелые покусы. Отчаяться. Ринуться к хозяину. Полаять визгливенько ему в лицо. Спишь?! А я тут надрываюсь, храню тебя! Сбегать и попить воды еще. Потом отбежать и вернуться к миске. Нервы на пределе, надо закусить. Закусивши, посидеть, лупася хвостом по паркету. Побегать за хвостом, потому как интересно. Подбежать снова к хозяину: а ну как подход? Нет, упорно спит... Ладно. А враги?! К двери!..

И такая дребедень – каждый день.

Актерский талант

После преступления с вазой выдала нам котенок Глафира всем Комиссаржевскую, такую Ларису Огудалову из «Бесприданницы», такую страсть и прощение нам всем, что даже я, отпетый циник, бросился к ее постельке молить и умолять.

А она такая: «Примиритесь, господа, забудьте обиды, суетные стремления, только красота и любовь очистят нас перед Небом, ухожу я тихо, покойно, пусть оркестр играет потише, душа к Богу отходит моя, тихая, нежная, не виновная ни в чем. Прощаю всех... Помните меня такой. Возьмитесь за руки и простите друг друга...»

Я первый зарыдал в плечо соседа-зрителя. Потом уже публика подключилась, хотела стол, на котором так неудачно ваза стояла, вообще к хренам порубить и сжечь.

Федюнин так и вовсе за топором побежал, роялю рубить в щепы, слезы по бороде ручьями.

Консервы

Никаноровна моя окончательно сформировала себе характер.

Примеряла на себя много всяких личин, все пыталась понять, какая сработает лучше прочих. Как и полагается, во всех номинациях победил образ «Я гулящая, но недешева».

Питается Никаноровна какими-то деликатесными консервами по 175 руб. за банку. Баночки эти распознает, научилась. После того как наплатила себя, балует меня дозированными ласками. До наплатания даже и не подходи: нервы, неприступность, уши растопырила, не хочет. Впервые сталкиваюсь с таким явлением в мире животных. Вроде как выпрашивать должна, по логике вещей, по этике Бентама и Милля. Но нет. Раскусила меня. Требуется сначала в ресторан, а там посмотрим.

Сам попробовать вкусноту такую никак не решусь. Так и томлюсь с трясущейся в руке ложкой: что там могли напихать в маленькую, в принципе, баночку на 175 руб.? Почки кого там, собственно? Балерин?!

Крысы

Заезжал в магазин за питанием для Глафиры Никаноровны. Она любит, чтобы ягнятина.

В магазине залюбовался на физкультурных лысых крыс.

Три лысых крысы-разрядницы сидели в клетке как уже такие, знаете, опытные зэчки. Не по упоротой бакланке которые, а по весовой статье ходившие. Нужные такие гражданки, уровневые.

Одна крыса что-то там выделявала с куском черной тряпки. То на себя набросит и смотрит на товарок: что, мол, воровайки, нормально? Маленькое черное платьице, да. Ничего так, спрашиваю, личит, или в робе как-то лучше?

То отбросит вдовью эту долю прочь и лапки к груди прижимает: за что?! за что страдаю, жизнь свою губя по пересылкам мрачным и убогим?!

То уши растопырит, и к решетке! Человек! Человек! Нет ли весточки какой от милава маво?! Заждалася я тут, истомилася...

Аферистка матерая. У самой хвост в двух местах поломан и на ухе погрыз имеется, а ломает из себя гимназистку в парке. Я, типа, тут впервые с папирсой...

Уважаю таких. В них есть знание жизни и артистичность. Они не кривляются, а работают. Что ныне даже у крыс редкость.

Две подружки у этой аферистки были поспокойнее. Видно, что хищения и налоговые нарушения. Одна чесала лысину повсеместную. Вторая норовила принять ванну в поилке. Скучными мне показались. Я в дамах не очень сильно разбираюсь, а в крысах и подавно.

С ягнятиной я мимо не прошел, присел на корты, чисто побазарить с подружками за то, за се, за будущую нашу дружбу.

Спросил у продавщицы: а можно девчатам грёв передать через решётку? Разрешили. Стал просовывать кусочки между прутьев. Не самый центряк подогнали: я попробовал сначала на зуб, не, бацилла годная, но вкуса приятного нет, какие-то опилки в масле подсолнечном. Не в восторге, в общем, но калории какие-никакие есть.

Крысы-физкультурницы меня за это внимание порадовали. Пожрали деликатно, потеряли лапами хвосты. И как начали прыгать по клетке своей! С места одна, которая все жеманничала у поилки, как сиганет вверх, без приседаний, просто вот сидит, а вот уже подтягивается на потолке. Там тоже прутья, хватать удобно. Следом вторая. Сначала разбежалась. Думаю, ну вот, сейчас об стену – и все. Но нет. В стиле пекинской оперы, от стены оттолкнулась и на потолок рядом с первой. Висят довольно уверенно.

Тряпичница подключилась последней. Но зато уж выдала номер на всю передачу! Смотрела на меня всяко, а сама лапами перебирает по потолочным прутьям, что тебе физрук, и туда-сюда. По ходу движения выгибалась и свободными лапами подталкивала подруг: давай, девки, давай, вдруг у этого ишака в привычку войдет на наше шоу заглядывать?!

Я в восторге был! Стал им подсказывать, что делать, улыбаться и даже похлопал, раздав им предварительно имена красивые.

То, что я очень сильно помолодел душой, стало понятно, когда я ладонью похлопал по внезапно соседней и неожиданно голой ноге.

Медленно поднял голову, повинуюсь направлению ноги. И ног оказалось приятно две. И конечный итог осмотра не разочаровал.

Мужик-крысолуб востребован. В нем нет жеманства, он прост, открыт и душевно подвижен.

Глафире про крыс ничего не рассказал. Судьба многих женщин – стать улыбкой, которую не поймет жена. Что ж тут поделаешь...

Ветеринария

Утро начал с коллективного похода к ветеринарному доктору.

Последние из своих ста девяноста семи мальчишеских лет мой кот регулярно помирает от неведомых миру недугов. Вот и вчера ночью решился попробовать скончаться еще разик.

Вхожу в дом и вижу своего непутевого распростертым у миски. Не так, как бывало раньше, распростертого от обилия. А распростертого основательно уже в сторону окончательного выхода.

Было бы это зрелище для меня новинкой, я бы, понятное дело, заплакал и сполз спиной по стене рядом с кончающимся мучеником. Вместо этого сбегал за приготовленным пластиковым мешком с траурной философской надписью «Карусель».

– Давай, – говорю, – полезай в мешок для захоронения, старый ты идиот. Ты чего опять сожрал? А? А?! Отвечай!

В скорбный мешок кот не полез, а довольно хитро извернулся и симитировал приступ дурноты. Потом, загребая передними лапами, начал волочить задние и тихо выть, бросая на меня взоры. Сам отползает от миски в сторону спальни моей. Мол, дай уж кончиться по-благородному, среди кресел и картин, в вольтерьянском духе...

Так и уполз, все подзывая окружающих, чтобы его подтащили к смертному ложу. Я в это время активно ужинал и хлопал себя по бокам от переполнявших меня радостных эмоций от пережитого дня.

Утром во время прогулки посторонняя собака не захотела делить двор с моим псом. Вышла некрасивая история. Савелию надгрызли ухо, так что оно даже стало совсем уже отваливаться. С одиннадцатого этажа на все это взирал почетный покойник моей квартиры – кот. Я уверен, что еще и лыбился при этом.

Поволок вновь срочно обмякшего кота-страдальца и надорванного пса по проторенной дороге в ветеринарную клинику, расположенную напротив городского медицинского морга.

Чем мне нравится эта лечебница, кроме соседства с моргом?

В лечебнице полно всяких диковинных пациентов и их противоестественных хозяев. Живут вокруг лечебницы (см. «рядом с моргом») какие-то особенные животнолюбы.

Например, сегодня перед нами сидела семейная пара с собачкой, которую избил вазой сластолюбивая обезьяна. А за нами очередь заняла дама в берете с пустой клеткой в руках. Мы с котом переглянулись еще на ее счет – вот, мол, все равны перед безумием. Лечи, что называется, любого в помещении, выволакивай из очереди хоть тварь божью, хоть кормильца ее – не ошибешься, знай только дозировку корректируй и током щелкай.

А тут у дамы берет на голове зашевелился.

Понятно, что к такому повороту я готов не был. И благоразумно вскочил со стула, прижавшись к стенду «Ожирение у кошек и собак», под которым живой иллюстрацией сидел мой сварливый пес, замерший при виде ожившего и казавшегося до этого бесперспективным берета.

На расстоянии дама с бодрым шевелящимся беретом производила на всех еще большее впечатление. Сохранившая свое целомудрие от обезьянки собачка на миг даже перестала вздыхать над своими бедами и первая залаяла при виде выползающей из тетиной прически крысы с обмотанной бинтами головой и ампутированной лапой.

Где такое еще увидишь?!

Экзотика

Из новостей домашней лечебницы. Попугай-бухаринец, бегающий у меня по паркету вразвалку в истерической манере убиенного императора Павла Петровича, повадился слизывать какие-то капли с цветков, завезенных мной по неосторожности из тропиков. Нежно так.

Я за жратвой его видел. Гиена ест опрятнее и симпатичнее. А тут подойдет так боком, с деликатностью, выкатит язык свой и давай им, тьфу, по цветам шуровать неспешно. Налижется и в сторонку отпрыгивает. Глянет небрежно на нас, дураков, через плечо разок, и все.

По итогам лизания растения попугайка мой подобрел к людям. Вот что страшно – видеть разрушение бойца. Стал допускать то, что раньше им категорически возбранялось и преследовалось.

Жестокая была птица в свое время, что говорить. Я рассказывал, как прицельным пикированием птица сия терзала маленького тогда еще пса Савелия. Хищно разбросав крылья, сидел попугай на гипсовом бюсте (моем бюсте, сестра сделала) и поджидал оперативную задачу цвергкоммандо. Я в кабинет свой заходить остерегался лишней раз. Заходишь, как в логово на Альбертштрассе. Бюст. Клюв. Крылья. Полумрак. Занавески. Жалюзи. Света лишнего попугай не очень любил. Заходишь в кабинет свой и даже забываешь, а зачем шел-то?! Вытираешь лоб платком, садишься на край стула и торопливо докладываешь в пустоту оперативные данные. Потом поворот кругом – и на волю.

А в спину: кха-а-а-а-а! а-а-а-а! уа-а-акха!

Не я высиживал его, скажу честно, достался он мне уже сформированным негодяем, я только подрихтовал его недостатки, превратив их в полноценные пороки.

И тут он надумал заболеть чем-то нервным. Как полагается потенциальному вождю. И выщипал из себя почти все перья. Для начала. И так-то красавцем не назовешь, а тут вообще стало жутко – когда к гостям выбегает злобный лысый карлик на кривых лапах с когтищами, ловко взбирается с помощью клюва на скатерть и начинает скакать перед именитым гостем. При этом орать и размахивать культями – чисто Нюрнберг, а не день рождения.

Стали лечить троцкиста. Помимо лечения посадили на цепочку. Цепочку попугай полюбил и оставил по излечении на себе в качестве бандитского фартового браслета.

Перьями оброс. На даче окреп, безжалостно вырывая из земли лишние, на его взгляд, посадки.

Вступил в эпическую битву с маленьким степным коршуном. У меня дома чуть сбитый коршун не поселился. Заваливаясь и кренясь, крылатый хищник скрылся в небе. А попугай окончательно понял, что господство в воздухе – ключ к успеху любой власти.

Кот за ним пытался охотиться, но все бесполезно. Я намекал коту, что ему надо по попугайским посадочным базам работать – книжный шкаф и сервант, а также аэродрому подскока – бюсту моему. Но кот туповато прыгал за попугаем с земли. А жирным мой котофей был всегда. Битва за квартиру была проиграна, не начавшись.

Слава те, что пес у меня появился! Подмога!

Сначала он терпел пикирования попугайские, а потом начал оказывать сопротивление. Мы с котом в ужасе обнимали друг друга, наблюдая битву.

– Это уже не дом, хозяин, – говорил мне кот, дыша минтаем, – это какой-то дикий притон получается! Второго душегуба растишь, вот что я тебе скажу! Ты вспомни, как принесли меня, маленького, зеленоглазого, полосатенького, дымчатого... Как я из корзины своей, тряся хвостиком, выбирался и невинно глазки пучил. Ты вспомни эти годы, вспомни, как ты был счастлив! Вспомнил, да? Так давай эту всю прочую шушваль прямо сейчас выгоним! Без пощады! А?! Как ты любишь обходиться со мной! Без жалости! А? А?!

– А ты потом вырос... – меланхолично отвечал я, отдирая кота от халата. – Очарование детства у тебя очень быстро прошло, очень! Мы приютили котенка, попискивавшего от слабости и хитрости, а получили упорного живопыру и насильника. Скоро в поселке появится новая порода котов – «шемякинская». С отличительной особенностью в шкале-таблице: «агрессивная похотливость» и «выжирание диких хомячьих семейств целиком с демонстрацией добычи в постели хозяина». Думаешь, легко мне было просыпаться годами в окружении целой семьи задушенных хомяков, разложенных поверх одеяла твоим заботливым садизмом? Вспомни, что мне приходилось детям врать по этому поводу?! Как мне приходилось объясняться перед той, с кем Бог послал уснуть?! Что это не запланированный завтрак и не обещанные розы до бассейна, а трупы

изобличенных и обезвреженных вредителей! О душе лучше своей вспомни, Фунт. О душе своей!

А тут попугайкин мой внезапно подобрел. По итогам лизания некоего растения, название которого я уточняю. Стал забираться ко мне на плечи добровольно. Начал задумчиво и беззащитно стоять перед телевизором. По ночам перестал орать. Не надо стало уже с раскладным распятием выбегать из спальни. Нежен стал попугай. Вчера поправил мне волосы на виске. Погладил щекой мое ухо.

Всей семьей лизали капли с тропических цветов. Пытались достичь эффекта доброты. Пережевывая два листка (мало ли, где основная концентрация), сообщил окружению, что нет, спички будем по-прежнему друг от друга прятать, а попугаю дозволим усугублять свое пристрастие к волшебным каплям.

Надо продолжить наблюдения. Выращивание наркотика доброты в парниках кажется мне перспективным.

– Это может нас озолотить, постылые... – сказал я понурым лизунам и, поигрывая счётами, вышел вон из оранжереи.

Страдания

Определить, страдает животное или нет, можно только по внешнему виду животного, думается мне. А не по чувству, которое испытываешь, глядя животному в глаза.

Глядя в глаза пса Савелия Парменыча, я чувствую, как перехожу босиком Иордан. Глазами этими Савелий говорит мне: «Ой, таки татеша дадди, фос ир тон цу мир?»

А если судить по внешнему виду моего компактного волкодава, то Савелий – греческий полубог, только что нашедший на Олимпе папу.

Поэтому я всякий раз не знаю, мучают ли животных в зоопарках и цирках. Если они так лоснятся.

Собаки

Отчего-то многие думают, что я люблю собак.

Это заблуждение. Я не люблю собак. Люблю я только четырех собак. Еще двух я уважаю. А остальных не люблю.

За что мне их любить? Нюхают всюду, заходятся от лая, все тщательно охраняют, рвутся с поводков, не так чтобы скромны в личных взаимоотношениях...

– С ума вы, что ли, сошли? – спросил я утром в трубку. – С ума вы там все уже походили, или кто-то еще держится? Да? А что ж он вас не удержал от звонка такого?.. Нет, не буду я вам помогать. Сами его за лапы держите. А в этом я совсем не виноват, что у него лапы короткие. Короткие лапы у него... Пусть думает, как лапы себе отрастить, распутный. Конечно, идея у вас богатая, девушки, родилась. Я держу вашего за передние лапы, он деловито продолжает свой род с какой-то там и смотрит при этом в глаза отчего-то мне. А я в его глаза смотрю. Омерзительно, правда? Нет, не приеду! Не доверяю, совсем не доверяю. Ни вам, ни ему. Ему больше не доверяю. Вам чуть меньше. Да, учились вместе. Я помню, вы меня все ненавидели. А с вашим я не учился. И поэтому не доверяю ему чуть больше. Это логика, да. Вы ему уши на башке резинкой скрепляете, когда он у вас жрет. Вы ему сами не доверяете даже пожрать самостоятельно. Но какую-то вислоухую шалаву ему сыскали. На что надеетесь?! Что перехватите резинкой? Не хочу, вы мне не давали все пять лет, сначала одна не давала, потом и вторая стала не давать вместе с первой! Вы предлагаете мне ассистировать в каком-то умоисступлении. Раз интеллигентные-ранимые, то, конечно, звонить надо сразу мне. Я, девушки, давно в ванной у вас при спариваниях не присутствовал, многое подзабыл. Не знаю. Ее под табурет, его, соответственно... Табурет есть? Нет?! А что есть?!

Никаноровна

Никаноровна отъелась на свежем воздухе до пределов, отпущенных матерью-природой для свинок Нечерноземья. При этом сохранила вызывающий темперамент и сноровку. То там она, то сям. То откуда-то прыг – и танцы. Упрыгала прочь, момент только, а она уже тащит в пасти какую-то душу животную для показа мне. Отбиваешь душу у хищницы подлой, ушла. Через минуту с чердака – н-на! прыжок неистовой силы! Приседаешь в испуге. Беготня. Отошла попить. Танцы. Закусила дорогостоящими консервами (сам попробовал из жадности – нет, не мое пока). Полезла на веранду. На веранде – силь ву пле, этюд пластический, снова прыжок, упрыгала. Возвращается еще бодрее, чем убегала.

Свежесть у Никаноровны – понятие круглосуточное, не скажешь, что и мать, и были сердечные раны (подралась из-задохлого голубя с деревенскими дурами).

Мы с Савелием Парменычем смотрим на нее с восхищенным ужасом.

Возраст над ней не властен, а это простить трудно. Вот как была котенком, так им и осталась.

Сосильда

Собака-девушка Сосильда – девушка сложная. Она тонкой душевной организации, романтична, видит все в бежевой тургеневской дымке, мечтательна. И при этом всем – здоровенная, как лосиха! Как лосиха! Мощь в нежном подростке такая, что утром задумался о самозащите, не знаю, о будущем своем. Показывал утром девушке цепь и перспективы открывал.

Сосильду, довольно небрежно завернутую в розовую попону, притащил ко мне в дом малоизвестный нам Федюнин.

Иннокентий Сергеевич вошел ко мне в дом, прижимая к груди копошащийся сверток. Сначала я подумал, что Кеша принес мне плод своего греха, чтобы укрыться с ним от плодов прочих своих грехов.

У нас в уезде два признанных производителя незаконнорожденных баронов. Кеша – один из них. Я все жду, когда Кеша ослабеет и поникнет на руках семьи: во-первых, это приятно, когда твой конкурент в эволюционной борьбе сходит с дистанции, а во-вторых, мне интересно будет посмотреть на сцену дележа федюнинского наследства. Папа мой пережил развал Британской империи, я хочу пережить развал Кешинового скопидомного благополучия. Так и представляю себе орды беснующихся наследников перед закопченным тыном. Ломают с воем ворота, трясая поддельными метриками. Нотариусы сцепились у конюшни. По небу летят бумаги и свидетельства о праве собственности. Нехотя занимается жирным пламенем дом.

А я в подзорную трубу смотрю. Ветер треплет жабо поверх кирасы.

– Подождем, пока они откатятся, – говорю сквозь железные зубы фельдмаршалам позади, – а там во благовремение и ударим во фланг... В штыки! Господа генералы, зрю над нами трепещущие крылья победы! Помолимся же!..

Очень жду этого момента.

– Это кто у нас тут? – сухим и твердым голосом спросил я у Иннокентия, кивая на сверток.

– Это у нас собачка, – торопливо ответил Федюнин. И добавил: – Дружеский подарок.

Помолчали.

– Тебе... – закончил Федюнин свою мысль.

– Прекрасно, – сказал я. – Прекрасно...

– Она очень хорошая. И вырастет небольшой.

Оперся на посох свой. Улыбаясь, думал, что сначала ударю Кешу посохом, а потом додушу без свидетелей, по-дружески.

Подбежал привлеченный запахом юности в попоне еще один гений сыска, Савелий Парменыч. Тоже обалдел. Посмотрел на сверток, на меня, на стены, на меня.

«Батя, не надо, эхехех, не надо, батя, это ведь куда нам вот это еще? Голодаем ведь, да, батя, да, пищи немного стало, да и зачем? да? а?!»

И совсем я уже было решился на мужской поступок – отказаться от чужого дитяти, да рука сама потянулась, и все... Комок потянулся ко мне и начал лизать палец. Смотрел комок на меня голубыми глазами, упрямо, но честно. Такой взгляд у женщин предвещает совместное проживание.

– Я, Кеша, брать ее в дом не буду, у меня у самого... забавная какая... а так? а что такая толстая? Смотри, какое пузо, ела недавно, понятно, не болеет? смотри-ка... сосильда какая... какой хоть породы мама была?.. не слышал про такую... Глаза красивые...

И все. Теперь собака-девушка сидит на крыльце с выражением лица «кхалиси едет в Вестерос». Очень одухотворенное лицо.

Савелий приткнулся у ней под боком. Улыбается, старый пень. Он беспринципный такой, оказывается. Плюс побаивается молодую подругу.

Подруга

Познакомился с собакой.

Притащил новую подругу бесконечно любезный ко всем извращениям мира Савелий Парменыч. Подруга такой степени беспородности, что и дворнягой назвать сложно. Основной акцент природа сделала на бакенбарды и изящную выгнутость лап. Плюс лысинка.

Полудворняжка – вот идеальное обозначение чуда, подманенного льстивыми обещаниями Савелия.

Савелий сразу начал лаять, что, мол, видите, видите, каков я? оцените-ка немедля любезника, столь милаго! а? а?! да! что-с?! именно! она прекрасна! никогда прежде! нет! прелестна! столько свежести! взор! нет! не сразу! пароль муа контре ле пти шанс! главное, говорю, свежа, что тебе... а?! невиданное наслаждение с первых минут! да! деван лез анфан, но такое! такое! котлету бы, что ли, ей дать? не знаю пока... не избалуем жратвой-то, что скажешь?! жратвы немного совсем осталось, да? да?! а?! ну, говори! не рви мне душу, милай!..

Сосильда в отъезде – Савелий распушился до непристойности. Походка изменилась, посадка головы – барон-изгнанник.

– Тебя как зовут, подруга? – спрашиваю. – Согласна хоть?

Савелий отбежал даже.

Подруга жестами выразила все, что хочет. Артистичная.

Вынес еды.

Савелий первым кинулся, он мужчина от и до. Корифей-премьер.

Отогнал. Дама подзакусила. Савелий метался вдоль забора, все причитал, что притащат в дом не пойми кого, корыстных таких и неприятных, и рвут в клочья его сердце изболевшееся, сволочи вы! она же лысая вон! лы-са-я!

Потом артистичная подруга передо мной поплясала немного. Потенциал огромен у нее.

Мешок

Больше всего на свете Савелий Парменыч боится страшного Мешка Для Захоронений.

Я этим пользуюсь, кстати.

– Полезай, – говорю, – в мешок для захоронений, старый ты аферист! Настала пора!

И помогает. Савелий Парменыч впадает в раскаяние. Он у меня все делает истово: ест, спит, ругается, ворует, подлизывается и кается.

Ведь ни разу в мешке не был, ни разу не испытал на себе (не так, как я, например) побои и сцены прощания. А фантазия, видимо, рисует пальцем в его слабеющем на глазах мозге картины печальные и впечатляющие.

У Савелия и девушки-собаки Сосильды есть Некий Газон, который каждый из них считает своим ковром и каждый требует на СЕМ КОВРЕ НЕУКОСНИТЕЛЬНОГО, НАИПАЧЕ СТРОЖАЙШЕГО ПОВИНОВАНИЯ, А БАЛОВАНИЮ КАКОМУ В ЗАПРЕТ. И КАТОРГА.

Стоит Сосильде по-девичьи стеснительно приволочь кость на СЕЙ КОВЕР и начать кость эту с треском ласкать зубами, откуда-то из-за угла несется мой старый боевой друг, закидывая задние лапы коротенькие за огромные уши в стремительном прыжке:

«Вы тут эта штэо?! А-а-а!!! Бесчинство! Бесчинство!!! Срам-то какой, господи боже мой! В эдаком святом для всех месте! Бесстыжая! Да! Крыса ты вонючая, вот что я тебе скажу, подлая ты девка! Пара-азитка! Это ведь ГРЕХ!»

Девушка Сосильда иногда валит Парменыча нежной грудью, а иногда давит сверху своим жарким телом. Старик охает, но не сдается. На днях ухватил-таки вонючую крысу крепкими еще зубами и попробовал произвести бросок. Отбежал взмятый, но не успокоенный. Орал минут десять еще, спрашивал, воя и кашляя, отчего так? куда уходит детство, мол? в какие города, спрашиваю?! и почему это детство тут это все? тут вот?! и лыбится еще, крыса такая! я те говорю, тебе!..

Если Сосильда видит, что Парменыч беззаботно лежит на ГАЗОНЕ и греется, растопырившись, то девушка хватает старика за шкирняк и волочит прочь. А ветеран упирается и сипит, что заслужил.

Вой, крики, кашель и снова крики.

Иногда мне это все надоедает, и я выхожу из дома. Прямо как спал – в черкеске, с пятью Георгиями на груди.

– Станичники! – это я так говорю в шутку, понятно, что станичник тут один – и он попугай на втором этаже. – Стоять всем! И сначала цыц! А затем цыц навсегда! Я в думе крепкой! Гадаю, стало быть, кого из вас на шапку, а кого куды еще... Матушке-государыне про вас отпишу – пусть разрешает!

И мешок для захоронений из-за спины как бы невзначай вытягиваю. Улыбаюсь с приятностью во взоре. В этой приятности догорает крепость Измаил.

Сосильда на меня внимания давно не обращает, воспитываясь как-то самостоятельно. Зевает. Отходит. А Парменыч начинает скорбеть всем телом и валится на бок, куда-то в кусты он обычно валится.

Мешок мне очень пригождается, короче говоря.

Лошади

Лошадиные предьявы – это иппические претензии. Профессор зарамсил вглухую и кинул лошадиную предьяву – профессор выдвинул претензии по поводу проблем.

Водили меня вчера в галерею, забитую красотой. Все увешено иппическим жанром. Лошади так, лошади эдак. К концу просмотра храпел и мотал головой в недоуздке. К выходу зарысил так, что еле удержали.

Лошади очень красивые существа. И ужасно умные, конечно.

У меня был мерин по имени Тузик. Когда я к нему подходил, Тузик немедленно надувался. Чтобы не смог я застегнуть на нем ничего и никуда бы на нем не поехал. И, в целом, чтобы свалил я куда-нибудь поскорее.

Если мои нежные (восемь лет мне было) удары в живот помогали Тузику сдуться и я на нем все потребное застегивал и затягивал, Тузик ждал, когда я на него

заберусь, и ложился на бок. Ему было интересно: успею я спрыгнуть или нет?

Если и этот веселый фокус не получался, Тузик старался меня укусить в процессе нашей неспешной езды на остров Любви. Или протереть мною стену. Или устроить так: сначала вроде как укусить попробовать, а потом об стену. Или кусты. Или еще что.

Иногда люди удивляются, где я так научился работать кулаками и говорить эдакие слова. Ты же слепой интеллигентный калека, говорят мне люди, ты же так не должен. В эти моменты я вспоминаю Тузика и нашу с ним трогательную дружбу. Помню, в дождь Тузик лег в лужу вместе со мной. Когда его все же подняли, я с трудом перестал орать наивным детским ртом выражения, за которые меня потом уважали свидетели – приовражные бомжи.

Выйдя из галереи, пожалел, что не могу, как Тузик, отстаивать свои интересы и капризы. Не хватает во мне чего-то.

Котята

Главная причина моего спешного отъезда на остров вовсе не растрата денег, которые я украл у слепых учителей, когда они несли свои крошечные пособия парализованным докторам. Для меня этот факт – будни.

Раздача котят Глафиры Никаноровны – вот корень моего отъезда.

Как принял роды, сразу понял, что все. Надо бежать и в работорговле не участвовать. Сил нет смотреть на все это дело. Сердце рвется. Что для меня, человека, бросавшего под кинжальный огонь визжащие от ужаса полки, непривычно.

Слова предложенной веселой песенки написаны работорговцем, для работорговцев и во время работоргового рейса. Потом автор благостного сочинения поплавал уже капитаном на работорговом судне, а потом как-то что-то загрустил и подался в духовные лидеры.

Уголовницы

Утром, выйдя из загородного домовладения, имел намерение пройти в гараж.

Обычно я попадаю в гараж одним проверенным способом. Способ этот уныл: спустился из кухоньки по лестнице – и уже в гараже, радуешься, что дошел, не промахнулся.

Отсутствие интриги в этом приключении меня смущало.

А тут один из моих редкостных домочадцев (ну, из тех, кого я не успел раздать в добрые руки) решил доставить мне удовольствие. И начал его доставлять.

Как можно доставить счастье одинокому дяде при помощи рук? Конечно, только одним способом – показать себя в ремонтном деле. Сначала разобрать два лестничных пролета, а потом неторопливо приступить к обдумыванию мыслей «зачем?!» и «куда бы теперь свалить от дядиных диких взоров? от этого неумемного хищнического любопытства?!»

Отчаянию юных радуется любой ухондокошенный старичок, пусть и на очевидном выданье, но с неясными перспективами. Больно смотреть заслуженному старцу, отмахивающемуся от назойливых мух, на румянец и очевидную возможность соблазнить любую украинскую горничную. Причем, подчеркиваю, без ресторанов соблазнить, без букетов живых цветов из Эквадора (они оттуда все, по-моему, Голландию не считаем), без кредитных карточек и тому подобного...

Мучаю я племянников, мучаю. Им в РККА не служить, как дяде. Так вот и восполню пробелы. Искалечу пару-тройку судеб. Всякий раз о себе гадости рассказываю – многие поверят, будет неловко.

С другой стороны, без иллюзий. И так, без нравоучений и упреков, без нытья, мол, когда стареющие силы нас начинают оставлять и мы должны, как старожилы, пришельцам новым место дать, – безо всякого этого перехожу к теме, весело помахивая мешком.

Итак, весело помахивая мешком со сменной обувью, двинулся в гараж нехоженой тропой.

А там собаки! У меня, не поверите, за городом живут собаки.

Первоначально эти уголовницы были презентованы мне в небольшой картонной коробке, где они слабо шевелились от последствий переупотребления маминого молока. Они были прекрасны – два собачьих дитяти без видов на будущность. Мама – немецкая овчарка из Венгрии, с родословной длиной в голубой Дунай. Папа – ара, а что о папе гаварит, э?! Папа бил как папа, в полный уровень, да. Деликатно определенный как кавказский алабай, ну! И что, я тебе отвечаю, за дэло – кто, не побоюсь этого слова, кого?! Стали дети, да. Кровинки.

В этих двух комках умиления и слабого повизгивания трудно было заподозрить расчетливых негодяек, которые по-сестрински начнут сеять вокруг себя страх и ненависть. Если на двух моих псевдонемецких овчарок нацепить джинсовые мини-юбки и сапоги, то отличить их от девачек с рабочего раёна будет непросто. Наиболее подходящая атмосфера для двух моих мерзких сторожих – это угар танцевального клуба «Полет», где девушки подороже продают жизнь свою, а мама у окна волнуется – с милицией в этот раз или только в подъезде отметелят, а мама у соседей переночует, немигающе глядя на ковер с оленями?

Собаки-уголовницы знают, что их номинальный хозяин – я это, я – никому никуда не вперся капризно выгнутым рогом. Никто не будет на него покушаться в диких масках, через колючку, разрывным отравленным патроном, никто не ринется со штыком мне наперерез. Настолько я всем необходим, что тратиться никто не подумает. Собаки эту ситуацию четко секут. Цинично подмигивают, наверное, у мисок. Мол, родная, неплохо мы тут? Спрашиваешь, милая! И этот, в бобровом пальто, – он как? Ну, как-как? При деле!

Но ритуалы соблюдать надо. Надо мчаться со всех лап, со всеми своими килограммами, радоваться мне – опыть, увидели, а? а?! посмотри, а? а?! давай я теперь с этого бока! Надо валить меня в грязь, надо упираться мне в грудь (будем реалистами, кашемировую «Вейлер и сыновья») и облизывать мое красивое, сдержанное, немного ужаса лицо в два языка.

Люблю их теперь еще сильнее, сволочей закормленных.

Дядя Толик

У моей первой жены

, дай ей Божечка всяческого благополучия и мужа хорошего, есть дядя.

Обычный такой дядя, зовут которого, по счастливому произволу сильфид, Толик.

Дядя Толик – собственно, на этом повествование можно и заканчивать. Но я продолжу.

Он тут возьми и шутку выкини: чем-то закусил таким, и в больницу его отвезли, потому как врачам тоже интересно стало, а чего это дядя Анатолий стал закусывать? с какой стати? и нет ли в этом признаков Толикиной психической болезни? Дядя одинок (вы потом, возможно, поймете, почему я педалирую это обстоятельство). И зажиточен, хотя очень сильно пьющ.

А это я к чему?..

А. Вот.

Сижу вечером над клавирами. Звонок первой жены. Эти звонки я люблю так, как можно любить, например, фильмы В. Аллена, то есть непонятно за что, и непонятно, кто все эти люди, но так принято. Вдобавок первая жена за меня волнуется. Одно время сватала мне свою двоюродную сестру, которая оказалась кредитной мошенницей, потом рекомендовала дизайнера Сорокоумову, потом однажды слабым голосом сказала, что у нее рак груди, и три минуты молча ждала от меня сочувствия. И все в таком духе. Поженились молодыми, по взаимному томлению, так что удивляться нечему.

Кстати, с раком все обошлось очень удачно – стеснялась говорить по телефону про необходимые затраты на увеличение груди, поэтому ляпнула про рак. В ее стиле.

Ну, ладно. У больничного страдальца дяди Толика в загородном домике осталось много домашней живности, при которой дядя состоит на положении порученца и сторожа. Много – это шесть омерзительно жирных котов. За которыми теперь надо бдить, а то подохнут, и дядя Толик забьется в истерике на маленьком кошачьем кладбище, которое может появиться в любой момент, если я не возьму к себе парочку. Или троечку. Или всех.

Первая жена еще щебетала в трубку, расписывая прелесть моей неизбежной встречи с этими тварями, наше с тварями первое робкое узнавание друг друга, веселую возню на ковре, слезы умиления, а я тут же вспомнил, что все эти коты у дяди Толика кастрированные. Зачем кастрировать кота, когда живешь за городом? Но факт остается фактом. Болезненный Анатолий собирал всех котят в округе, кастрировал их в дорогой клинике и оставлял у себя жить. Немудрено, что я к дяде этому всегда относился с разумной долей ужаса и в гости к нему ездил крайне неохотно. Как, впрочем, и остальные его родственники. Хрен его знает, этого даррелла, рука-то набита. Разметаешься на мешковине после обеда, и все.

Позвонил Анатолию. Сказал, не представляясь: «Женись, урод!» – и дал отбой.

Семейная этнография

Макдоналды

Что такое история моей семьи? Что такое взаимосвязь поколений и славные традиции нашего рода? Что такое воздаяние, карма, возмездие и прочее веселье в моей бодрой фамилии?

Объяснить можно только на примере.

Объясняю.

13 февраля 1692 года мои родственники поучаствовали в одном из самых радостных событий шотландской истории. Мы резали в составе других гостей клан Макдоналдов у них же на дому. Нас позвали в гости, мы пришли, а потом зарезали хозяев. За дело, конечно. Макдоналды были практически мятежниками, не хотели присягать новому королю, плюс мы им еще денег были должны. Как тут удержаться от того, чтобы, попив и поев, не вырезать хозяев к чертовой матери? Я и сейчас не удержался бы.

В семейном кругу часто вспоминаем это дело, одобрительно похлопывая друг друга по спинам. Мол, неплохо так погуляли тогда, а? – спрашиваем друг у друга. И сами же себе отвечаем: да какой там неплохо?! Отлично выступили!

Резня в Гленко, послужившая основой для нездоровых фантазий писателя Джорджа Мартина с его «Красной свадьбой», лютоволками, Старками и прочим заснеженным ужасом, для нашего семейства прекрасный повод вспомнить славные денечки.

И тут наступает момент рассказать о воздаянии за произошедшее.

Как это почти всегда бывает, воздаяние за грехи всего рода обрушилось на меня. Резали Макдоналдов все вместе, а расхлебываю последствия только я.

К огромному сожалению, вырезать весь выводок Макдоналдов зимой 1692 года не удалось. Некоторые утырки вырвались из нашего веселого хоровода. Затаились и размножились.

Последствия? Главное последствие стоит напротив моего самарского дома и заливает округу канцерогенными запахами гамбургеров, роял-чизбургеров и прочего ада. Это то, что я называю наследственное воздаяние как оно есть. Резали предки Макдоналдов – вот тебе миллион промасленных пакетов под ногами, вонь, толпы под окнами и всякая такая кромешность. Насладись.

А теперь про взаимосвязь и злую иронию. Кто открывал этот элитный ресторан? Кто резал ленточку в коротких штанишках, хищно полосовал ножом с себя размером огромный торт и катался верхом на страшном клоуне Роналде, этой квинтэссенции зла? Кто купался в лучах проплаченной славы? Кто, раздувая младенческие, но чувственные ноздри, совершил первый в Самаре заказ «большой картошки»?!

Правильно! Мой сын, Георгий Джонович.

Прямой потомок упырей, резавших Макдоналдов 13 февраля 1692 года.

Вот что такое историческая взаимосвязь в моей семье.

И как после всего этого оставаться в разуме?!

Эволюция

Я представляю собой боковую ветвь эволюции нашей семьи.

В принципе, я тупиковая ее ветвь, хотя породил целую популяцию. Я – носитель картошконосого гена, картошконос обыкновенный.

Обратимся к наглядным пособиям.

Фотоизображение номер один: мама – вздернутый нос, бабушка – нос внушительный, дядя – нос орлиный, я – нос уже многообещающей картошкой.

Фотоизображение номер два: увеличиваем контрастность – бабушка с ее носом и мама с ее носиком.

Привлекаем проверочный фотоматериал номер три: дядина внука с абсолютно прабабушкиным носом.

И становой хребет сановитой носатости в нашей семье – арийский прадедушка Иван Генрихович. Вот магистраль, по которой мчится семья моя на экспрессе «Породистый нос». А я остался в своем картошконосом тупичке, на полустанке, с погнутом чайничком и в тапочках при минус тридцати. Потому как рожаю носатых детей и лиц, к ним временно приравненных, – фотоизображение номер пять.

В нашем роду картошконосы обречены неумолимой поступью эволюции. Все матери моих детей не были носатыми. Носатость прорывается сквозь толщу моих хитрых напластований, как весенний вспученный поток сквозь наспех возведенную плотину из деревенского хлама. Носатость пробивает толщи азиатских и африканских отложений в моей семье. Как ледокол «Ермак».

На этом цепь расистских вечерних размышлений заканчивается. Белая раса не обречена.

К моему почему-то огорчению какому-то.

Краткая история семьи

Что такое история семьи в двух поколениях и в двух предложениях?

Мы не любим морские путешествия: в последний раз плыли в Австралию третьим классом. И обратно возвращались через тридцать лет тем же третьим классом.

Вот что такое история семьи в двух поколениях и в двух предложениях.

Нужда, возможность и способность оправдать все свои действия – вот волшебный треугольник, позволяющий искать золото повсюду. У моих предков была мастерская по изготовлению таких треугольников. Мы их продавали верящим людям. Верящих людей в округе стало меньше, мы стали богаче, хотя тоже численно поубавились как-то.

То, за что сейчас дают персональные машины и квартиры в Кенсингтоне, раньше жестоко преследовалось по ночам.

Национализм

Что такое «бояться» в нашей семье?

Мой шотландский двоюродный дед мало чего боялся. Больше всех на свете он боялся свою родную сестру. Когда ему исполнилось семь лет, двоюродный дед, пребывая в ужасе, ухватил свою кошмарную сестру за волосы и оттащил ее к вокзалу, надеясь посадить в вагон до Лондона.

Сестра была крупнее похитителя и ударила его банкой консервированной фасоли, прихваченной двоюродным дедушкой для ее же, подлой такой, кормления в пути. Двоюродный дед показывал этот шрам над бровью всю свою жизнь по всем окрестным пабам. Рассказывая про штыковой бой на Сомме.

Многие женщины отдавались моему двоюродному дедушке-герою из-за этого героического шрама. Они и так бы, понятно, отдались, но со шрамом было быстрее для всех.

Страх в семье Гиллиланд продуктивен. Он не только развлекает, он кормит и поит Гиллиландов. И в этом секрет нашего отношения к жизни. Все, что остальных губит, калечит, мучит, обескураживает, не знаю, терзает и гнетет, нас обеспечивает сексом, бухлом, ночлегом и мускулатурой.

Вот, допустим, нерешительность. Многих нерешительность огорчает. Мы, Гиллиланды со стажем, прекрасно знаем огромную несокрушимую силу нашей нерешительности и мощь нашего безволия. Для нас это не недостатки, а ресурсы.

Это как с национализмом в России. Национализм в Японии, например, делает Японию радиоактивной, по итогу. Потом великой, потом чудаковатой. И обеспечивает России Курилы.

Национализм в Германии делает, по итогу, Германию проигравшей, потом великой, потом опять проигравшей, потом навсегда виноватой. И вручает в похмельные (быдловатые, рабские, грязные) руки России могилу Канта с построенной вокруг могилы Восточной Пруссией.

Национализм в Польше, по итогу, делает Польшу. И поэтому к Польше у России вопросов нет.

Национализм в Украине делает России Крым, а еще, не дай боже, сделает Харьков и Донбасс.

Когда пламя очищающего национализма полыхнет в Монако?!

Шотландцы

Наблюдал своего шотландского дядю и его дружков-подельников в их естественной среде обитания: сидели в пабе.

Сначала меня и брать с собой не хотели, потом полюбовались на мои прыжки и слезы у дверей – и взяли.

Дяде – восемьдесят пять. Подельникам разной степени социальной запущенности – соответственно. Мощь в дедах такой необоримой силы, что чувствовал себя в сравнении с ними гимназисткой какой-то. Хихикал в кулачок, потел.

Ну, и разговоры у них соответствующие. Опасные дедуси начали вспоминать, понукаемые мной, то одно, то другое. Романтики в воспоминаниях немного. Детство в Горбалсе, юность в Южном Глазго – они к слезам ностальгии не зовут.

– Понимаешь, Джон, что значило хорошо погулять, когда я был молод? Это когда ты просыпаешься с чужим ботинком в пасти. Ботинок прокушен, а на рубашке твоей пятна крови. Причем, Джон, кровь на рубашке – она разной степени свернутости. Одна засохла уже, вторая засыхает, а вот тут – свежая! Проснулся – как дома побывал, честное слово!

– И тут девица смотрит на меня... А у нее лицо такое, будто она «Майн кампф» не только прочитала, а и дописала вчера! Такие лица запоминаешь...

– Он был первым геем на нашей верфи. Глухой. Работал за всю бригаду – все боялся, что мы его изобьем. Ну, такой гей удачный попался. Нашей бригаде все завидовали.

– Зачем врут в новостях, если людям или все ясно, или все равно?

– Я был тяжелее его фунтов на двадцать, моложе и дрался каждое воскресенье. Но он упорно хотел что-то у меня уточнить. Подробностей каких-то от меня хотел...

– Хочешь сделать больно трубачу – унижай не его, а джаз.

– А он мне важно так говорит: «Надо одеваться не для нынешней работы, а для работы будущей!» А я ему говорю: «Ты, как я понимаю, сутенером решил работать?» Платок он на шею нацепил, видите ли!

– А она не веселая, просто рехнулась в шестьдесят седьмом году...

– Когда мне говорят: «Будь тактичнее, дедушка», это значит: «Дедушка, заткнись!»

– Бог – это просто другие люди. Не может Бог, создавший и сметавший планеты, требовать от меня послушания какого-то. Астероиды летают – а он мне: Кириан, будь послушным! Откуда тогда астероиды?!

* * *

А это уже в другом месте, но тоже колоритно. Высказывания моей шотландской сестры Кейт:

– Уверяю вас: что бы вы ни задумали, вам все равно придется доплатить. Теперь это просто неизбежно.

– Если бы они знали меня получше, они бы поняли, что вела я себя в тот момент идеально.

– Настала такая пора, что всей семье пришлось задуматься: где найти развлечения, за которые не сажают? Поиск таких развлечений стал главным развлечением. Но за этот поиск продолжали сажать.

- Понимание мужественности у нас в доме простое: следуй своим убеждениям, особенно когда несешь ахинею, до последнего!

- Более поганых соседей было еще поискать! Терзали наши души своей показной скромностью и выращиванием роз в саду, мерзавцы эдакие!

- Любая случайность с соседями – это или их грех, или Божья справедливость В шестьдесят восьмом году купили «ягуар» – это был их грех. А все, что случилось потом, – несомненная Божья справедливость, несомненная!

- Секрет нашей семейной гармонии: секс без обязательств! Но с одной и той же женщиной. И годами, Джон, годами!

- Я была первой, кто привел в наш дом полицейского за руку.

- Активными пенсионерками там называют тех, кого берут за попытку вооруженного ограбления банка. Думаю, дело в тамошней воде.

- Когда я была молода, я жила среди ирландцев. А у них так принято: весь двор слышит то, что слушаешь ты, весь двор ест то, что ешь ты, и были постоянные попытки без шума иметь то, что имеешь ты, – понимаешь, о чем я?

- Работа была удивительная! Я решала, какую страшную правду сказать начальству в глаза, а начальство решало, какие объедки я получу сегодня. Греческая кухня – мечта Средиземноморья!

- А Питер мне сказал, что я должна сделать это не для него, а исключительно для себя. Как я могла после такого не перелезть через забор?!

- Когда стали разносить фуа-гра с ежевичным вареньем, я поняла, что правильно ответила вышибалам при входе.

Отец

Просматривая записи с речами своего батюшки по разным поводам и событиям, невольно убеждаешься, что понимание жизни передается не только воспитанием, но и простым воспроизводством себе подобных.

Из папиных выступлений:

И тут она решила показать мне чуть больше, чем видел ее папа...

Есть много способов достичь цели. Ирландцы молятся на коленях, а шотландцы стучат на соседей. И неизвестно, кто честнее.

Я сразу понял, что дело тут нечисто. Обещали рыжую, а пришел лысый.

Выбор женихов в нашей семье – это конкурс молитв и заклинаний, иного объяснения появлению у нас за столом Майкла я не вижу.

То, что ты красивый блондин, начинаешь как-то особо остро ощущать в марокканской тюрьме.

На все вопросы полиции отвечал, что все три дня беспорядков протирал оливковым маслом листья каучуконосов в городском ботаническом саду.

От той, кто застилает твою постель, секретов у тебя не существует.

Бойню может учинить любой слепой с пистолетом.

Нет такой картины, которую нельзя было бы назвать «Раньше надо было думать».

Была бы осторожной – жила бы на папины деньги!

Как это прекрасно: прохладные купюры в жаркий полдень!

Анабасис

Продолжаю лингвистический анабасис.

Для сравнения. Стихотворение про Глазго.

На местном, красивом и незнакомом, языке:

Oidsche Shathuirn air Straid Jamaica
is feasgar na Sabaid air Great Western Road
a coiseachds a coiseachd anns an t-saoghal ur
sitheanan anns na garraidhean

И то же самое на языке чуть более знакомом:

Saturday night on Jamaica Street
and Sunday evening on Great Western Road
walking, walking in the new world
flowers in the yards

Для любознательных. Продолжаю составлять словарь для будущей российской комендатуры в Шотландии, в которую я намерен когда-нибудь устроиться работать переводчиком:

ae - one

athort - all over

aucht - anything, nothing

barly-bree - whisky (три раза переспрашивал)

baw - ball

beet - help

ben - in, inside

billies - fellows

braw - fine

canny - good

carlin - old woman, witch

cauras - car

clachan - village

cors - cross

crack - talk

cuffd - removed

daw - down

dught - could

eekit - filled

een - eyes

fou - drunk

gin - if

greet - cry

haar - mist

harns - brains

hizzies - women

hink - think

ilka - every

lift - sky

Из словарика становятся понятны мои повседневные занятия в Келвинсайд. Я на грани отчаяния.

И еще среди местных до черта заик, шепелявых и неполнозубых. На десятой минуте понимаешь, что Босх - реалист, а ты среди своих - в принципе, хороших людей.

Имитировать их насыщенную речь можно. Для этого надо вообразить себя норвежцем, запихнуть в рот горячую картошку и начать отдавать отрывистые команды на немецком языке, но по-английски. Сцены признания в любви между

местными приводят меня в ужас.

Айуф камбед юрах хайр ант варшд юрах фит. Лайк э даарк иил ин майх вайт бед.
А собеседникам лет по пятнадцать. А ты их подслушиваешь и запихиваешь в рот
воротник, чтобы не заорать.

Furr thuv drapped an Emm Wan oan the aul Toonheid

An thurs nae merr dugs gonny float by deid.

Наличность

Я плохо себя чувствую без узелка с наличностью. В идеале с золотыми
дублонами.

Во-первых, я не уверен в себе так, чтобы рассчитывать только на силу своего
обаяния. Во-вторых, я не доверяю карточкам. Я им не верю. Против карточек
возражают все мои рачительные предки-староверы.

У меня сохранился бумажник моего прадеда. В этом бумажнике можно жить:
настолько он уютен, объемист и надежен. Достоешь такой бумажник, и вокруг
начинается Макарьевская ярмарка: буйство кружев, визги, лаковые сапоги,
мадера и граммофоны с певицей Вяльцевой. Захлопнешь бумажник, и
начинается постылое семейство у тонко сипящего самовара. Сидит такое
семейство надежно в Лукояновском уезде, сидит в полном чине за столом, а кто
и вдоль стены, волосы в духовитом масле, руки на плисовых штанах, муха в
окно бьется, жарко протоплено, пост Великий.

А с карточками – один морок. Достал, протянул, ни тебе шелеста, ни
уверенности, ни осознания, ничего. Все свои самые бездарные траты я совершил
под воздействием карточного обмана.

Поэтому пошел утром в банк за наличностью. И порадовался всему. Мне даже
спели. Тут, когда отсчитывают мои фунты, поют: твенти файф, твенти сикс...
Очень мелодично – никакой филармонии не нужно.

Я даже подпевал, энергично кивая.

Я бы и сплясал, если бы мог.

Пони

Катался на пони.

Неприятно сталкиваться с существами, которые упрямее, злее и умнее тебя.

Вспомнилось.

Я вот лошадей уважаю. Но доверия к ним не испытываю. Я прирожденный и неутомимый пехотинец. Мне сподручней пешком, с кольями, в сапогах, огромной толпой. Очень желательно, чтобы беззащитный город доверчиво спал. При таком развитии событий я улыбаюсь, подталкиваю соседей по строю локтями, часто и удачно шучу, проверяю крепость мешков и пут, шуршу петлями. Ликую душой. Вот доступная цель, вот я, вот мешок. Лаконично и прелестно.

А вот лошади – это дело элитарное и подозрительное. Кормить их надо, чесать, вытирать, подковы, то-се, нет, не доверяю. Лошадь больше сожрет, чем успеешь награть. Плюс падаешь с нее. А она еще и на тебя норовит упасть, подлая.

Почему вспомнил про лошадей? Встречал шотландских родственников. Естественно, пляски и песни. Вчера услышал, что, оказывается, мы лошадиниками в прошлом были. Как цыгане, только еще искреннее, еще честнее.

И тут сестра Кейт вспомнила наше семейное, заповедное. Мы в XVII веке у каких-то остолопов-соседей что-то украли. Или они у нас украли, а мы вернули. Или те украли у других соседей, мы у этих, а потом все запутались, и в воздухе замелькали кинжалы. Помним только, что что-то с покражей в песне связано.

Вещь считалась у нас украденной до тех пор, пока мы о ней не складывали песню. После того, как песня сложена и мы под нее наплясались в торфяной жиже, все! Овцы уже наши, и то вон наше, и то. И то, да! А то, что временно не

наше, то скоро беспрерывно сгорит на берегу или повесится в белом платье.

И вот угнали мы что-то в очередной раз. А за нами погоня.

Мы на пони, погоня на пони. Рысим, значит. А пони злобные, мы злобные, погоня злобная, кромешный ужас. Естественно, дождь и молнии! Если бы я при этом деле присутствовал, то обязательно засадил бы верхом на собак беснующихся мартышек в красных колпачках на лысых головах и всунул бы в мартышечьи ручки по крошечному факелу. Чтоб, значит, окончательно! Чтоб картинка такая была, что поднесешь пальцы ко лбу перекреститься, да молча лицом вниз – навсегда.

Скачем мы в грозу от погони. Погоня за нами! И тут какой-то мой прапрапрадед, известный натуралист-романтик, запродавший недавно своего доброго короля людоеду Кромвелю, спрашивает у деток своих:

– А впереди погони какие пони скачут?

Ему детки, заросшие мокрыми бородами до бровей верзила, орут, что вперед вырвались какие-то адски черные пони.

– Поворачиваем к каменистому распадку! – командует мой натуралист-предок. – Черные пони, как и городские бабы, по камням бежать не могут!

Сделали по указу патриарха.

Проскакали каменистую россыпь, черные пони отстали, но вперед вырвались какие-то белые страшные пони с осатаневшими соседями на спинах.

– Скачем против ветра теперь! – продолжает мой предок-натуралист. – Белые – они нервные, они не любят, когда всякий сор летит им в глаза! Как и городские бабы, кстати...

Сделали так. Белые в нервном припадке поскидывали седоков и растворились во мгле. Как городские бабы после танцев, честное слово.

И тут жадные соседи, которые за поросенка удавятся, растеряв белых, в голову погони выдвигают рыжих пони.

Предок и против рыжих какой-то маневр знал.

Потом другие пони! Другой метод! И так раз семь, и все связано с городскими бабами!

Вся эпопея длится примерно полчаса гортанного пения, с перерывами на кружение с ножами в центре зала.

В конце концов от погони остались два оскалившихся в броске пони – пятнистые. Которые, как нам известно, очень кусачие и могут по свистку ложиться на землю. Почти как городские бабы эти пятнистые пони.

– Все! – командует предок мой. – Шабаш! Нет методов против пятнистых! Как и против городских баб! Настал час нашей последней битвы! Храбрецы! Слезайте с седел, прячьтесь за валунами и стреляйте во врагов из ружья, которое я так удачно с собой прихватил! Я же – за подмогой! А вы будьте счастливы! Надеюсь, до скорой встречи у городских баб!..

Прекрасная песня, я вам доложу, прекрасная. Есть в ней все, что я люблю. Немыслимая отвага, лошади, насилие, материальное стимулирование всех участников, конечно, городские бабы и, главное, метод борьбы со всеми окружающими нас недомудками и бесноватыми.

Надо менять условия их сосуществования с вами постоянно. Работать на отсев проблем. Вот о чем поется в удивительно доброй шотландской песне на самом деле. Не дожидайся, когда все обсоски на тебя кинутся разом. Маневрируй, создавай им препятствия из подручного материала. Храбрость в гибкости тоже есть, дружок. Как есть отвага и в скорости убегания. Ты не убегаешь, а уклоняешься от нежелательной встречи и заманиваешь в засаду. Есть у тебя кол – не жди толпы. А беги с колом к болоту, наверняка пара-тройка мудаков в нем утонет. И потому, что болото, и потому, что мудаки. И потому, что ты все это организовал сам: и болото, и мудаков. Значит, часть там обязательно загнется. Остальных забьешь кирпичами за гаражами. Тех, кто все же умудряется помудацки нелепо вырваться из предыдущей твоей западни.

Нет такой цели – красиво погибнуть под напором. Не может такой цели быть. Есть цель: извести, в случае необходимости или приказа с мостика, максимально большое количество идиотов, лезущих в чужую жизнь и мешающих тебе дышать. Используй в достижении этой цели знания, навыки, складки пересеченной местности, любые подручные средства.

Еще эту песню можно петь и в рамках обучения корпоративной культуре. Хором.

Ведь на самом деле эта добрая песенка про апокалипсис.

Пасека

Ездил на фамильную пасеку. Двоюродный брат рассказал, что этим делом промышляем мы уже лет триста. Все на одном и том же месте.

Ахал и радовался. Хотя и отдавал себе отчет, что улей современного типа изобретен буквально только вчера – в 1851 году. И не здесь, а в США. И что до изобретения съемных рамок для пчелиных сот никакого пчеловодства не было. А было разведение пчел.

Сначала человечество бродило по лесу в поисках дупел и уничтожало рои для получения полкила медку. Потом человечество понатыкало выдолбленных пней-ульев на полянах и стало называть такие лагерьки счастья пасеками. На пасеках жили мутные пасечники, которые от безделья (в пень с пчелами каждый день не полезешь) занимались каким-то посильным колдовством и блудом.

Не романтика, а строгая технология подарила человечеству мед в потребных количествах.

А мировая справедливость позволила залить человечество медом только тогда, когда у человечества уже был свекольный сахар, возник страх диабета всех типов и появилось странное желание худеть. Так устроена мировая справедливость.

Пчеловодство отличается от тупого разведения пчел на мед, воск и яд сочетанием наблюдения, контроля, репрессий и регулярного изъятия. Как только человек получил возможность комфортного стопроцентного присмотра за пчелами, как только человек установил за пчелами тотальный контроль, мед потек рекой.

Вслух я сказал кузену, что пребываю в восторге. Такая славная традиция у нас! Пчелы, холмы, ветер с моря, медвяный гул.

Липкими руками схватил себя за волосы и хохотал от внезапного осознания счастья.

Деды

Столетие Первой мировой начинает постепенно овладевать моим сознанием.

Проехал мимо здания Главпочтамта, вспомнил, что дед, вербуясь в стрелки полка герцога Аргайла, радовался, что сможет прислать своей молодой жене телеграмму из Франции. Он ее прислал: «Мерзнут ноги носки». Он был романтик, но мерзнут ноги, носки!

Через полторы недели его траванут газом, и он все будет рассказывать в госпитале, что немцы делают газ из обычной горчицы и что мы тоже можем так же делать. В себя так и не пришел до конца, хотя прожил после своей войны, на которой пробыл полгода, еще сорок лет кашля, язв и загулов в ноябре.

Второй мой дед и участник Первой мировой, не верил, что его повезут на поезде, потому что поезда – они ведь для тех, кто платит. А бесплатно зачем его возить? Поэтому, наверное, его никуда не повезут, а он пойдет до Германии бесплатно и пешком. Учительница показала ему, где Германия, а где его село Пиченгуши (примерно, конечно, – карта была с полушариями, без размена на Пиченгуши). Прадед был парень смысленый и понял, что воевать ему совсем не придется. Пока он дотопаёт себе до Германии...

Но добрые хозяева поездов бесплатно подбросили деда до мест его будущей славы. А потом другие добродушные хозяева поездов даже повозили его по Германии. В лагере для военнопленных дед понравился ожидавшим его прибытия соотечественникам, сообщив, что тут, в Саксонии, сосны такие же, как в Пиченгушах, только шишки падают строго вниз и лежат ровно, а в Пиченгушах скатываются и лежат кучами.

Обоим участникам войны был двадцать один год. Один так и не стал футболистом, а стал глухим бухгалтером. Второй стал главным архитектором миллионного города и построил на месте кладбища городской цирк.

Сто лет назад – в этот самый день – третьего моего деда ранили в Бельгии. Под Ипром.

На собрании всех остальных увечных Гиллиландов дед особенно упирал на то, что ранили его «недалеко от дома» – всего-то в ста тридцати восьми милях от Лондона. В этом обстоятельстве дед видел какой-то особый оттенок. Остальных-то перекалечило черт-те где. Кого в Африке, кого в Бирме. А его «на пороге».

Когда дед вернулся в строй, его бросили на рытье подземных галерей под немецкие позиции. В галереях дед таскал взрывчатку и переживал.

Натаскали взрывчатки дед и подобные ему пареньки 500 000 кг. Рвануло под немцами так, что неподалеку, в Лондоне, тряхнуло на Даунинг-стрит. Город-побратим Ипра – Семипалатинск.

А рвануло не все. Последний раз взорвались остатки взрывчатого добра в 1955 году. Еще одна яма на 300 кг, говорят, ждет своего часа.

Брат деда остался в Бельгии навсегда. Как и еще четырнадцать Гиллиландов.

Прадед жены

Прадед моей жены, мобилизованный русским командованием Степан Бойко-Жиленко, решил перейти на сторону противника и пополз сдаваться австрийцам

в плен. В разгар русского наступления на Лемберг.

Потом его как-то озарило. И он совершил интеллектуальный прорыв, вложив в него не только всю мощь интеллекта своего и своих предков, но и потенциал всех своих потомков до седьмого колена.

Он переделся в австрийскую форму, позаимствованную у убитого, и сдался в плен. Русским. Отмахав за ночь верст двадцать вдоль линии фронта.

Оказался одним из первых среди тысяч вражеских бойцов, добровольно перешедших в стан войска православного.

Потом явление это стало массовым, но Степан Жиленко уже был в Пензе.

Танцы

Мое отношение к танцам определено традициями моей семьи.

Как известно многим, Гиллиланды не занимаются сексом стоя или под музыку, опасаясь, что все это может перейти, не дай боже, в танец. Раньше, конечно, всяко бывало, но церкви стали строже, и пришлось нам принять окончательное решение.

Я люблю плясать. Одиноко. Хищно, как это мне свойственно, и размашисто, как это свойственно и мне, и округе, в которой я сейчас испытываю счастье в разных доступных видах.

Предки

Многие люди, знающие меня, что называется, лично, всякий раз уверенно предполагают, что мой сметающий бастионы жизненный пыл и огонь в поступках достались мне по наследству от моих дальневосточных предков. А

моя некоторая жизненная сметка и баснословная экономность в проявлении истинных чувств – они от шотландцев.

Все же наоборот! Мой родитель, например, во время обучения на военно-морского моряка, на «кабинетных учениях» так удачно командовал своим условным корветом, что около часа успешно маневрировал и палил из всех орудий, находясь уже не просто на суше, а в семи морских милях от линии прибоа. Зная характер родителя моего, можно предположить, что при этом он еще мысленно вешал гроздьями несимпатичных ему лично членов экипажа и выбросил за борт корабельного священника.

Ирландцы

Еду в аэропорт для встречи ирландской составляющей моей крошечной семьи.

Восемь человек прилетает. Не замечу даже. А с учетом завтрашнего праздника – и забуду скоро.

В чем прелесть ирландской родни: никого больше приглашать не нужно. Все поют, пляшут, устраивают соревнования, сами себе полиция, сами пожарные, сами сбегают и принесут, а потом прибегут другие ирландцы, и тут точно пожарные понадобятся.

Я назначил себя семейным медиком. Заодно и судебным экспертом себя назначил. Разница для нашей семьи неуволима. И тратиться особо не нужно.

Сестра вон картошку везет – семь кило. Особую картошку, из огорода бабушки, которую звали Дженни Тодд. Эта наша общая в каком-то смысле бабушка прославилась тем, что сорок девять лет каждую неделю приходила на железнодорожный вокзал в Глазго, чтобы убежать из дома своего постылого. Начала двадцатилетней, а завязала с этим делом, когда вокзал снесли: на новый ей было неудобно ездить. В перерывах между попытками еженедельного побега бабушка умудрилась нарожать восемь детей и похоронить трех мужей. Так что, думаю, семейная легенда немного врет и несколько недель бабушка Тодд на вокзал все же не являлась.

Вот племенную картошку этой бабушки сестра мне и везет. Мне осталось только вскрыть пять-шесть банок фасоли и метнуть их на стол. Ну, может, вилок еще. Основная трата – алкоголь. Но на это есть другие гости. Во мне часто просыпается в последнее время папенька мой. А кто жаднее самого жадного немца? Щедрый шотландец! Поэтому собой доволен.

Изюминкой приезжающих, даже не изюминкой, а куском таким здоровенным счастья, считаю я прибытие своего племянника.

На пальцах объясняю. Сестра Кейт замужем за ирландцем, а у того девять братьев и сестра. А у каждого брата минимум по пять детей, и те дети уже крепенькие такие производители и продолжают стремящуюся в бездну лавину моих родственников. Из этой бездны и является мне мой племянник двоюродный, который внял молитвам экологов и принял сан. Отсохшая ветвь фамильного дерева, как я надеюсь. Из нее я сооружу себе мостик в Царствие Небесное. Неплохо иметь своего агента в загадочном мире Ватикана.

У меня и в РПЦ есть разветвленная агентура. Сокурсники по большей части. Когда три таких сокурсника приехали ко мне в уездную резиденцию, соседи мои сначала очень обрадовались и стали выкрикивать, подпрыгивая за забором, что давно их ждали по мою душу и очень рады тому, что сейчас меня сволокнут на Соловки, в подземную православную тюрьму, потому как дальше терпеть меня никаких сил нет.

Но когда мы с батюшками стали прыгать с трамплина в бассейн и играть в ночной баскетбол при свете фар, соседи попрыгали за забором своим. И это еще легко отделались.

Есть ли у меня для комплекта нечужие люди в мирепряного иудаизма? А как же! Плюс я сам в синагоге работал: подметал по пятницам молельное помещение. Должно пойти в праведный зачет.

Индуизм... Пока не разработан.

Ислам. Мысленно согласен со всеми постулатами. Я бы ужесточил кое-какие моменты, но кто ж меня спрашивает?

Шаманизм: регулярно.

Пока духовно обустроен, короче говоря.

Русскому языка

Шотландская сестра учит русский язык. Зачем-то это ей понадобилось.

Я подозрительно спрашивал несколько раз: мол, зачем, Кейт? Мой виртуозный английский обеспечивает нам именно тот уровень доверительности и простоты, который нужен. Не больший и не меньший! Если мы начнем понимать друг друга лучше – все! Начнутся выяснения отношений, поверь, рефлексия сплошная начнется, парадоксы, и по итогу окончательный кошмар может случиться. Начнем поверять друг другу сердечные тайны, например. Выбалтывать наболевшее. Да мало ли дров наломать можно будет при переходе на свободный и могучий русский?! Тут русский слог, там родное междометье, глагол тот-другой, глядишь, а в комнате уже Достоевский сидит и иконописно смотрит на нас! Не уследишь, поверь!

Но сестра русский учит. Когда приехала ко мне в первый раз, после своей авантюры в Кении, не боялась ничего! Думала, что ее опыт проживания по соседству с черноглазыми красавцами-скотопасами поможет и тут.

Ха!

Поперлась однажды в магазин. Ну, как в магазин? В пырок какой-то зашла. Тип пырка известен: «Второе дыхание», в нем собираются утренние покойники, чтобы освежиться, войти во второй круг штопорка. И вот Кейт моя, говорю, заходит в сии чарующие чертоги, что-то там покупает, к кассе идет, ей кассирша что-то там втирает, Кейт не понимает ни слова, ей в спину дышат крученым в семь оборотов перегаром страждущие, которых она задерживает и мучает. Кейт спрашивает у синеглазки на кассе: «Ду ю спик инглиш?» А вдруг? В Кении канало.

Синеглазка, выслушав вопрос про ду ю спик инглиш, отвечает воинственно:

– Нет!

«Нет!» – было первым русским словом, которое Кейт выучила и произносила всякий раз с восторгом. Мол, как это прекрасно и восхитительно абсурдно! Как в «Монти Пайтон»! Ду ю спик англиш? Niet!

Потом Кейт у меня заблудилась. И искала дорогу ко мне, спрашивая у прохожих, где находится ПЕКТОПА. Прохожие шарахались, конечно. Не каждый поймет, где находится ПЕКТОПА, не каждый сможет объяснить. Тем более еллоу ПЕКТОПА! Не просто, а еллоу!

ПЕКТОПА – это слово РЕСТОРАН, прочтенное латинскими буквами. Висит на первом этаже гостиницы «Европа», что рядом с моим домом.

В этот раз Кейт открыла для себя новую красоту. Говорит она по-русски уже довольно быстро, что совсем не облегчает моего понимания ее высказываний. Утром услышал в телефоне:

– Джон! А я купыла... сейчас, да, сейчас... сейчас, я купыла языки, момент... о! Языки от палача! И есчо купыла сосидж... ски... от палача! И много красный сок от палача!..

«От Палыча», «От Палыча» она купила языки, сосидж и много красный сок.

Рейнджеры

Не так давно показывал сестрам и племянницам (время от времени появляющимся в этой книге под аморфным, хоть и теплым определением «родственницы») русскую живопись. И понял внезапно, как это увлекательно. И даже полезно.

Смотрим на репродукцию васнецовских «Богатырей». Что может сказать русский человек об этой картине? Мощь там, удадь, гроза, ай, урзы мои, ай мурзы мои, буду Киев-город жечь-губить, вот тебе, Калин-царь, от Илюшеньки гостинчик, все на стены, кто с мечом и пр. И это нормально. Есть такие банальности, которые нормальные, здоровые.

Вот я это, собственно, и излагаю, упирая на время создания картины, специфику стиля «рюсс»...

– А как их зовут? – спрашивает племянница Дженни, нашедшая свое счастье в работе полицейского эксперта.

Сухо откашлявшись, знакомя эксперта Дженни с героями полотна. Вспомнил даже, что у богатыря Алеши папу звали поп Семен.

Вот тут-то Дженни в меня и вкогtilась. Кивает на Алешу Поповича и спрашивает-утверждает: «Арамис?!»

Как опытный игрок в развивающие настольные игры, даже бровью не повел. Перевел разговор в другую плоскость. Сам же украдкой посматривал на Атоса Никитича и Портоса Муромца.

Не успел обрадоваться своей ловкости, как удар воспоследовал со стороны сестрицы Кейт:

– А что они делают?

– Охраняют границу, – отвечаю, протирая значок на лацкане.

– Это говорит о том, что в России всегда была подвижная граница! Что Россия всегда готова к расширению! Эти рыцари превращают своим присутствием бордер во фронтир!

Удивительные приключения шотландцев в России

Закончилась моя дикая шотландская декада. Хотя я даже не надеялся. И последние два дня провел в полной уверенности, что часы остановились.

Только что запихнул в самолет всю свою шотландскую родню. Когда родня, не успевшая отдохнуть после круиза на теплоходе «Т.Д.», путая паспорта и

чемоданы, пела таможенникам песни, я, поддерживаемый сочувствующими аэропортовскими служащими, хлопал и подпевал. И даже пытался двигать ногами со свойственной мне самонадеянностью.

На сцену прощания прибежали посмотреть пассажиры с рейса в Душанбе. Часть таджикских зрителей содержалась в наручниках по причине суровой депортации. Так что слезы расставания и кандалный звон присутствовали. Подобное сочетание для меня привычное. Как и для таджиков, впрочем.

Таких каникул не было у меня давно. Только я, конечно, не все помню. Помню, что на пароходе подрался с какими-то зловещими личностями. Связываю этот очевидно мудрый поступок с внезапно охватившей меня хромотой. Помню вступление нашей делегации с развернутыми знаменами под барабанный бой в казанский Кремль. Надеюсь, там уже начали восстановительные работы. Выяснилось, что я довольно бойко разговариваю на сладкозвучном татарском языке. Хотя никогда его не учил. Но татарской свадьбе, которую мы совершенно случайно поздравили, все очень понравилось. Жених указал милиции противоположное направление нашего бегства, что характеризует его с положительной стороны.

В городе Костроме прошел удачный вторник. Или понедельник. Про Валаам даже не спрашивайте. Это было тоже здорово. Особенно когда мы потеряли в папоротниках одного из племянников, кинулись его искать и вышли из папоротников, лишившись уже и второго племянника. Решили вновь окунуться в манящее колдовство папоротниковых зарослей, на этот раз крепко держась за руки всей семьей. Поэтому и в яму с водой попадали не все сразу, а медленно скользя по глине по очереди.

По случаю нашего отбытия на Валааме объявили благодарственный крестный ход. Я бы на месте властей и благоначалия еще бы щедро обработал святой водой, распыляемой с вертолетов, всю островную поверхность.

Я потом еще постараюсь вспомнить последствия еженощных дискотек в псевдорусском стиле. Или, скорее всего, постараюсь как можно надежнее упрятать их в мое бездонное кипящее подсознание.

Абердин

Как говорил мой шотландский папа? «Шотландцы занимаются сексом серьезно, но без убежденности в своей правоте. Поэтому все дети и маньяки из Абердина».

К Абердину у папы были особые чувства. Стрип-клуб в Абердине, по словам папы, это когда пять старых алкашей синхронно приседают в килтах на липкой пивной стойке. А элитный стрип-клуб в Абердине? Это шесть старых алкашей и вдова седьмого.

Альпийский воздух не будит чувств, так скажу. На ужин ел суп, например.

Семейные профессии

Когда у меня спрашивают, чем занимаются мои родственники, я теряюсь. Начинаю краснеть, перебирать заскорузлыми пальцами край фартука, комкая нарисованные на нем ананасы.

Страшный вопрос.

Например, моя старшая сестра промышленно производит виски. Традиция эта в нашей семье давняя. Не менее давняя семейная традиция в этой сфере – регулярно прогорать с характерным запахом дымного торфа.

Причина постоянных разорений, преследующих нас с незапамятных времен, проста: соблазн технических нововведений. Гиллиланды так причудливо устроены, что не могут пройти мимо любой технической новинки. Появляется новинка какая-нибудь, а мы тут как тут, буровим ее горящим взглядом и тащим к себе, взрыкивая в ночи тяжелым хищным взрыком. Женщины бегут впереди, освещая дорогу трещащими факелами, а мужики, значит, катят нечто по дымной пустоши. Дети (а этих у нас традиционно до черта) по следам проворно подбирают хворост и пока еще неумело заматают следы.

Зачем, для чего нам это городское новшество? Куда мы его пристроим? Как будем объяснять в суде? Эти вопросы нас волнуют меньше всего. Основная тема – немедленно приспособить, пристукивая молотками или хренача разношенной обувью, тонкую новинку, научный какой-нибудь нюанс, к делу нашей жизни. Дело нашей жизни – это поиск пути для прекращения всяческой созидательной работы руками и в целом, и по досадным частностям. Мы всегда хотели одного: чтобы за нас работали послушные машины, химия и гипнотически обученные животные, раз соседи отказываются.

Технические новинки – они появляются регулярно. Регулярно же происходили у нас взрывы, пожары, обвалы грунта на семь метров вглубь, отравления парами и слив сырья. Примеров не счесть. Зачем мы догадались добавлять в пиво ацетат свинца? Или зачем изготовили трубы для перегонки виски из того же свинца? А триоксид мышьяка зачем брали в руки?.. Загадки, на которые только один ответ: тяга к знаниям и подсознательное желание оказаться в тихой тюрьме или на тропической каторге.

Сестра гонит свой продукт по японским технологиям, все пытается доказать соседям, что дело Гиллиландов живет, что роботы отлично справляются, что рано соседи «скорую помощь» отпустили с первой партией пострадавших.

Или вот старший брат мой. Он у нас очень хитрый. Он маскируется под эколога-энтузиаста и выращивает на наших скудных пажитях полбу, этот раритетный злак.

Многим название «полба» не очень знакомо. Так-то, в повседневной жизни, мы называем ее, посмеиваясь, гексаплоидной пшеницей, намекая на шесть наборов хромосом.

Зачем сейчас выращивать полбу?! Для кого?! Понятно, что кроме группы двинутых на здоровом питании балетмейстеров-задосуев никто в здравом уме не будет связываться с этой самой спельтой (еще одно название гексаплоидной пшеницы, как вы поняли). Но брат упорно выращивает это завезенное невесть откуда чудо и бродит в задумчивости между красноватых колосьев. Я видел сам – такое только у Брэдбери возможно, на Марсе, после третьей экспедиции. Или у Кинга. Я пока не выбрал, что страшнее. Вычитал брат мой у классика, притащил и теперь засекает беззащитные поля. Соседи, как и полагается, только глазами хлопают от предчувствий последствий. А последствия будут.

Или средняя наша сестра. Разводит в Австралии ядовитых жаб каких-то. Или не очень ядовитых, но жаб – совершенно точно. Целая плантация жаболовная. С жабодоильней и жабодавильней.

И самое страшное, что в этом славном ряду мое место не последнее. С мобильными установками по обжигу емкостей с мазуто-парафиновым следовым присутствием на базе систем MGM и сыроварением. Не последнее. Тут я вполне вписался в строй родственников.

– Лучше бы мы, – сказал я, обнимая родных на прощанье, – лучше бы мы мартышками обзавелись, ненасытными сластолюбивцами. Разводили бы их у полярного круга, сами бы грелись, мартышек бы мучили, народ бы веселили с крепких промерзших буровых. Говорю, доходней было бы и не так стыдно, как сейчас.

Еще раз обнялись, и я покинул развалины.

Прадедушка

Вот по мне никак не скажешь, что я правнук человека, который пытался застрелиться перед пещерой с гиенами, только бы не продавать книги неграм.

Прадедушка у пещеры с гиенами одумался, переехал из Трансвааля в США и стал кондитером. Когда его через суд заставили продавать хлеб евреям, прадед ушел в светлую религию окончательно. Я некогда писал о нем и о моем любимом поступке прадеда – семикратном за рейс отлучении от церкви пассажиров и команды «Геральд оф фри энтрепрайз».

Среди высказываний прадеда, донесенных до меня сестрами, есть несколько, заставляющих втыкать в книжную полку до часу времени.

«Лучшая похвала – та, которая исходит от человека, которому ты не сделал ничего хорошего. А худшая похвала – это похвала от человека, которому ты не сделал ничего плохого».

Такими фразами и возможностью кулаком убить бычка мой прадедушка завоевывал паству.

Погиб санитаром в 1916 году, 17 сентября, под Ипром.

Итальянский поход Гиллиландов

Вчера ввечеру произошло частичное воссоединение семейства Гиллиланд. Я переживаю сейчас непростое время, родственники бросились на выручку. Местом встречи была обозначена Генуя. Отсюда мы начинаем торжественное шествие на Рим. По дороге родственники обещались выслушивать мои бесконечные жалобы и хныканье на несовершенство природы.

Какой-то демон, как утверждают, не давал покоя моему любимцу Алариху, заставляя его гнать армию на Рим. Как утверждали Иероним и Августин, Алариха уговаривали отказаться от чудовищных планов, на что гот ответил, что поступает так не по своей воле. Какое-то существо не давало ему покоя, мучило, гнало и взывало: иди и разрушь Рим!

Августин был уверен, что Аларих так выполнял Господню волю, карая Рим за римские грехи. Августин был человеком, тонко чувствующим Господне настроение.

Ну, а я чем хуже, в самом деле?! Чем я не Аларих?!

Вчера провел для членов нашей безумной экспедиции экскурсию по Риму. Со свойственной мне наглостью водил за собой десяток мало в чем виноватых родственников, горячо размахивая руками и декламируя. В разгар культурного похода к нашей процессии присоединились совершенно посторонние американские люди. Были бы у меня прежние силенки, можно было бы сколотить по итогам небольшой варварский отряд под моим водительством. Я, честно говоря, даже ждал знамения какого на этот счет. Коршуна, севшего мне на голову, было бы вполне достаточно. Но не случилось. Поэтому гонимого перед моей колесницей римского сената по новостям не покажут.

Когда я вижу ступени Колизея, уходящие в неподвижное небо, то совершенно отчетливо понимаю, что убогим тут не место. И могут там, наверху, сверкать звезды, орлы когтить лавровые венки, куриться алтарь победы, все одно – помимо гимна величию и мраморному покою, лестницы эти, обставленные героическими мускулистыми торсами, говорят настойчиво: сиди дома, сука безногая, не порть людям праздник освобожденной воли.

Предвосхищая, поспешно скажу, что я ног не лишился. И даже не натер.

Покидая римские руины, не удержался и сфотографировал с помощью своего дизельного телефонного аппарата наиболее сдержанную в стилистическом решении часть отельного интерьера. Больше в дизайнерские отели решил не селиться. Мозговая горячка, заработанная в этом странноприимном доме, будет аукаться еще долго. По первости, как только въехал в эти ликующие волшебные чертоги, даже умилялся, на все это глядячи. А потом стало как-то не по себе.

Вернувшись с прогулок по Вечному городу, зажмурясь, пробирался к себе в номер, где только и отдыхал взглядом, рассматривая белые полотенца. Не готов я еще в гости к сказке, так понимаю.

Если бы праздный хладнокровный путешественник заглянул некоторое время тому назад в один маленький бар на Виа С-та, то мог бы застигнуть наш экспедиционный корпус в полном составе за обсуждением планов дальнейшего покорения Италии.

Общий ход обсуждения заставлял воскресить в памяти нравы китобоев Арктики. Жесты и высказывания собравшихся были крайне выразительны. Это у нас фамильное. Приучены пользоваться ножом и вилкой с двух лет. Вилкой удерживаем чужой кусок мяса на щелястой столешнице, а ножом, торопливо жуя откушенное, отмахиваемся от остальных участников тихого семейного ужина.

Пара опасных итальянских дедусь (а итальянские дедуси всегда кажутся крайне опасными), зачарованно понаблюдав за ходом нашего совещания, пересели ближе к выходу, поглубже натянув свои опасные кепки. Это когда я утробно заревел, трясая зажатым в руке путеводителем, что ход нам только на Сицилию! Потому как с Сицилии выдачи нету! И мы там можем спокойно отдышаться под сенью апельсиновых деревьев, подсчитать потери и значительно расширить

кругозор.

Спутники мои против Сицилии решительно возражали. Зря я им про сицилийского циклопа Полифема рассказывал, упирая особенно на:

Быстро вскочил, протянул к товарищам мощные руки

И, ухвативши двоих, как щенков, их ударил о землю.

По полу мозг заструился, всю землю вокруг увлажняя,

Он же, рассекши обоих на части, поужинал ими, —

Все без остатка сожрал, как лев, горами вскормленный,

Мясо, и внутренность всю, и мозгами богатые кости.

– Ну, не понравилось вам про Полифема, давайте тогда, как Калигула, поступим, – гнул я свою линию, пуская в дело последние козыри. – Калигула после смерти Друзиллы путешествовал по Сицилии, желая развеяться, смеялся там над достопримечательностями, которые ему повсюду показывали, потом испугался в Мессане шума и дыма от вулкана Этна (высота 3340 метров) и, как указывает Светоний, «внезапно бежал»! Представляете, как это здорово?! Внезапно бежать из Мессаны! Порвались струны моей гитары, когда бежали мы с-под Мессаны! А? А?! Ла-ла-ла-ла-ла! Соглашайтесь!

И опять никакого понимания...

Сработало только то, что экспедиционные финансы доверены были моему попечению. Как теперь уверяют родственники, абсолютно зря. А я считаю, что нет, не зря! Учитывая мой холодный аналитический склад ума и талант потомственного манипулятора человеческими пороками.

Теперь мы в Палермо. Вошли в город в черных полумасках, конспиративно перебегая гуськом от подворотни к подворотне, время от времени по-пластунски залегая и перекатываясь. Замыкал в тяжелом плаще с поднятым воротником эту волну вторжения я лично, разворачивая остроносый маузером слабодушных.

Разместились в гостинице почти без приключений. Гостиница очень хорошая. Стены белые! Для меня это теперь вершина комфорта.

Первым, что приятно меня поразило в этом городе во время прогулки с племянниками-сладкоежками, было наличие в кондитерском магазине «глаз святой Лючии». Реалистически выполненные из теста и цукатов глаза мученицы, предназначенные к поеданию, настроили меня на теплую волну понимания местного населения. Понял, что я тут практически свой среди своих.

Купил здоровенный кулек сдобных печенек-глазыnek и решил окончательно перейти на сторону темных сил.

Речные поколки

Если бы мои камчадальские родичи заселили какой-нибудь город целиком, то это был бы прекрасный город.

В городе, например, ходил бы один автобус. Причем именно ходил бы. На каждой остановке меняли бы уставшего от пяти минут езды водителя на запасного из числа вкусно зевающих пассажиров. На каждой пятой остановке все выходили бы из автобуса на воздух, чтобы размяться и покурить.

Красавица кузина, увидев этот автобус с пятого этажа, кричала бы: «Меня, ну, возьмите!» Потом потягивалась бы у окна, являя миру все аспекты своей полуденной свежести. Потом пила бы неспешно чай с топленными сливками. Делала бы макияж. Подробно обсуждала с подругой по телефону планы на вечер. Рассматривала себя придирчиво в зеркало. И неспешно, немного, возможно, напевая, спускалась бы к ожидающему автобусу, полному радостных пассажиров.

Вот такие у меня камчадальские родственники.

Меня они часто не понимают. Скорость моей речи их забавляет, они слышат только чириканье и свист, как на быстро перематываемой старой магнитофонной ленте. Слушают меня, склонив голову несколько, понимаете, набок, блестя смышленными глазами-бусинами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.me/ru/dzhon-shemyakin/dikiy-barin-sbornik-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)